

18+

БЛИЗКАЯ ДАЛЬ

книга 1-я

Татьяна Катушонок

Татьяна Катушонок

Близкая даль. Книга 1-я

«Издательские решения»

Катушонок Т.

Близкая даль. Книга 1-я / Т. Катушонок — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500558-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. События происходят в деревне, в 1940–1941 годах. Накануне войны активизируются мистические силы, и герои романа сталкиваются с необычными феноменами. Дружба, любовь, в том числе к Родине, чувство патриотизма — проходят через всё произведение, а мистические истории заставляют задуматься, что в жизни не все так просто, как кажется на первый взгляд. Многие истории, описанные в книге, имели место в реальной жизни, происходили с автором, его родными и близкими.

ISBN 978-5-00-500558-8

© Катушонок Т.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	31
ГЛАВА 7	33
ГЛАВА 8	38
ГЛАВА 9	40
ГЛАВА 10	43
ГЛАВА 11	47
ГЛАВА 12	50
ГЛАВА 13	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Близкая даль

Книга 1-я

Татьяна Катушонок

© Татьяна Катушонок, 2025

ISBN 978-5-0050-0558-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0050-0559-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

На обложке – фото реки Ушача из личного архива
автора.

Авторские права © 2017 Татьяна Катушонок

Все права зарегистрированы.

Мистический роман.

В 2-х книгах.

Книга 1-я.

ГЛАВА 1

*Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их.
Николай Рерих*

Ничто так не характерно для чуда, как невозможность объяснить его природу естественными причинами.

Жорж-Луи Бюффон

Есть только два способа прожить жизнь. Первый – будто чудес не существует. Второй – будто кругом одни чудеса.

Альберт Эйнштейн

ДЕНЬ КЛОНИЛСЯ к вечеру... Изнуряющая жара начала понемногу спадать. Анастасия довязала очередной сноп льна и бросила взгляд на работавших рядом девчат. Потемневшие от загара, возмужавшие за лето, они выглядели значительно повзрослевшими. Даже Фаина, зимой казавшаяся нескладным подростком, налилась телом, похорошела и догнала сверстниц по росту. Глядя на подруг, Анастасия озорно улыбнулась и, подмигнув Тамаре, заметила:

– Кто-то не верил, что мы сможем закончить работу до заката солнца...

– Отвяжись! – промокнув пот на лице, отмахнулась девушка.

– Что-то не слышу энтузиазма в голосе, – разогнув спину, усмехнулась Фаина, – надо понимать, что на танцы ты сегодня не идешь... – девушка поставила на землю сноп льна и окинула взглядом убранное поле.

– Гляньте, сколько льна мы убрали... – произнесла Настя и с гордостью посмотрела на одноклассниц.

«Какие они замечательные...» – подумала девушка. Она прекрасно понимала, что ни одна из подруг по возвращении домой не выкажет усталости, но будет слезно упрашивать родителей, чтоб они позволили хотя бы на часок сбегать на танцы. И как бы ни укоряли Анастасию родители, что рано ей ходить на вечеринки, все приводимые ими доводы казались девушке незначительными, а укоры – незаслуженными. Ощущение весны, проснувшееся в душе Насти, было настолько ярким, что замечание родителей, что мала еще, болью отзывалась в девичьем сердце. Да и откуда ей было знать, что наступившая юность будет быстротечной по причине суровости времени, в котором ей выпало жить? Как она могла считать себя маленькой, если прошедшей весной ей миновало четырнадцать, а работу по дому и в поле девушка выполняла наравне с матерью и другими сельскими женщинами? По причине того, что мать Анастасии не отличалась крепким здоровьем, забота о семье часто ложилась на хрупкие плечи девушки. Ее отчим, Степан Федорович Устиненко, был человеком степенным, работающим, но на ласку скупым – потому и росла девушка не по годам рассудительной и сдержанной.

Большеглазая, темноволосая, она, на первый взгляд, ничем не отличалась от сверстниц, но было в ней нечто – в выражении лица, жестах рук, горделивой осанке, что выделяло ее в их среде. Все, за что бы ни бралась Настя, спорилось в ее руках, выходило ловко и проворно, казалось, что ее маленькие изящные ручки способны творить настоящие чудеса, а редкая природная выносливость никак не сочеталась с внешней хрупкостью. Эти редкие качества девушки не остались незамеченными у односельчан.

Как-то вечером к Устиненко наведалься сосед дед Антось и, застав Настю за уборкой дома, заметил матери:

– Помощница у тебя, Пелагея, хоть куда! Такая дочь – как клад, ее беречь надо, за что ни возьмется – все у нее ладно выходит, деревенские девчата за ней гонятся, она у них вроде командира: указывать не указывает, а они к слову ее прислушиваются. Чудно...

– Прав ты, Антось, дочка у меня – золото! Только какая судьба ее ждет? Сам знаешь, какое у меня здоровье... Кроме нее у меня еще Павлик да Светланка, те совсем малые дети, вот и получается, что Настя как старше, так у нее и забот больше...

– Лето, хвала Провидению, в этом году выдалось на славу! – заметил старик. – Мужикам хватило времени запастись кормами для скотины, да и у вас, я гляжу, урожай удался во славу. Утром в воскресенье видел, как вы с Настей шли с ведрами в сторону леса, а через некоторое время заметил тебя у вас на подворье. Неужто ничего не собрали? Уж очень быстро вернулись...

– Отчего же... Дочку я в лесу оставила, а сама домой поспешила и домашними делами занялась. Настя к полудню два ведра брусники насобирала и после обеда еще столько же, настырная... Пока доверху ведра ягодой не наполнила – домой не шла. А брусника в этом году крупная... Наварили варенья с сахарной свеклой – будем зимой пировать, мои любят горячей картошки с брусничным вареньем отведать, да и пироги с ней у нас хорошо идут...

– Молодец, дивчина! И не лень ей днями в лесу сидеть, а брусничку я и сам люблю, особенно когда моя хозяйка ее с игрушками готовит...

– Не с игрушками, а с грушами, – поправила старика Светланка. – Я их тоже люблю, особенно желтые, с розовым бочком, Павлик мне их из колхозного сада приносит... – и, как бы в подтверждение своих слов, девочка обозначила в воздухе явно преувеличенный размер описанного плода.

– Как из колхозного сада?... – ахнула Пелагея и сердито глянула на сына, старательно складывавшего поленья под навесом сарая. – Я тебе сколько раз, Павлик, говорила, чтоб не смел этого делать? Чтоб я больше этого не слышала!.. Отец узнает – он тебе покажет, как по казенным садам шастать!

– Я не шастаю, – насупился мальчик, – это Юрка Стригунов меня угостил...

– Что творят, бесенята... – вздохнула Пелагея. – Разве за всем уследишь? Кроме троих детей и работы в колхозе, на мне еще дом да скотина. Степан только к ночи с работы возвращается, за день так нагуляется вдоль железнодорожных путей с инструментом в руках, что к вечеру ноги едва волочет, а тут еще хлев на угол просел, крыша над коровником прохудилась, подошва на обуви у детей стопталась... Что говорить – мужу работы по хозяйству хватает...

– У мужика в деревне всегда работы много, – кивнул дед Антось. – Скоро ваш Павлик подрастет, помощником станет...

– Когда то будет... – вздохнула хозяйка. – А пока за ним глаз да глаз нужен... С тех пор, как погиб ваш Демьян, вы со Степанидой одни живете, с одной стороны – беда, когда родители своих детей переживают, а с другой – были б вы спокойны, если б он где-нибудь в Сибири на рудниках спину гнул да плесневелый хлеб ел...

Глаза деда Антося потускнели, он вспомнил о сыне, трагически погибшем во время пожара на маслоприемном пункте, произошедшем в ночь с 6 на 7 июля 1935 года. Сельчане, весело встречавшие праздник Ивана Купалы, из-за пылавших костров не обратили внимания на зарево за рекой, а когда спохватились – было уже поздно, огонь превратил постройки маслопункта в груды обуглившихся бревен, среди которых был найден труп Демьяна Корзуна. Сотрудникам НКВД не удалось установить причину возгорания и выяснить, был ли это несчастный случай или умышленный поджог. Что произошло той роковой ночью – так и осталось загадкой, из-за отсутствия улики дело закрыли, списав убытки на погибшего в огне ночного сторожа. Это обстоятельство пагубно сказалось на репутации семьи Корзунов, кто-то из сельчан верил в причастность Демьяна к пожару, кто-то – нет, из-за невыясненных обстоятельств дела семья деда Антося попала в список неблагонадежных, по этой причине многие в деревне

старались избегать с ним контактов. Тех, кто сохранил к этой семье доброе доверительное отношение, осталось немного, среди них Степан и Пелагея Устиненко значились в первых рядах.

– Прости, Антось! – спохватилась Пелагея. – Правду говорят, что у женщин волос длинный, а ум короткий. Не хотела я причинить тебе боль, сама не знаю, как с языка сорвалось – не по злобе твою боль растревожила. Я мать и знаю, как тяжело растить детей и, уж не приведи Господь, их потерять...

Глаза деда Антося заволокли слезы, сколько лет прошло с момента гибели сына, а рана в душе старика не заживала.

– Что поделаться, – тяжело вздохнул Антось, – жизнь есть жизнь, никто не знает, что его ждет...

– Это верно, – кивнула хозяйка, – время нынче не простое, не первый год говорят о войне – волей-неволей задумываться станешь...

– Не волнуйся – у нас с Германией договор о ненападении. Я хоть человек и не воинского призыва, однако политикой партии интересуюсь. Не верь слухам, вранье все это, живи и не думай о плохом. Ладно, пойду я, а за напоминание о Демьяне я на тебя не сержусь, это как страница из книги жизни – ее не вырвешь, эту боль во мне только смерть может унять... – старик поднялся с лавки, оперся на палку и пошел к калитке.

На какое-то время во дворе дома воцарилась тишина. Перестал громыхать поленьями Павлик, петь колыбельную песню куклам Светланка, а Настя, поставив на крыльцо ведро с водой, с тревогой глянула на мать.

– Ты чего? – поинтересовалась Пелагея.

– Правда – наша страна самая лучшая в мире?.. – дрогнувшим голосом произнесла Анастасия. – Хорошо, что мы живем в Советском Союзе. Абрам Романович рассказывал, что за границей многие люди голодают, не имеют крыши над головой, а дети в малолетнем возрасте тысячами умирают от голода и нищеты. У нас все иначе... Наша страна богатая, обо всех нас заботится партия и товарищ Сталин. В отличие от зарубежных детей, мы знаем, что такое счастливое детство... Как здорово, что я родилась в Советском Союзе! Страшно подумать, что это могло произойти где-нибудь в Америке или в другой стране... – на глазах Анастасии выступили слезы.

– А бабушка Дуня сушит сухарики на черный день, – отложив в сторону тряпичную куклу, поведала Светланка. – Они маленькие и черненькие... Только я не знаю, что это за день и когда он наступит...

– Когда он придет, дочка, всем тяжело будет, – с грустью произнесла Пелагея, – бабушка Дуня знает об этом, вот и готовится. Даст Бог, он еще не скоро наступит, – вздохнула женщина, – по крайней мере, нам так говорят.

Пелагея поцеловала дочку и вернулась к домашним делам, за хлопотами она не заметила, как пришло время встречать скот, вернувшийся с пастбища. По заведенной традиции хозяева встречали своих питомцев на центральной деревенской дороге и оттуда разводили по подворьям. Самые большие хлопоты у пастухов были с овцами. На выпасе они норовили разбрестись по полю, словно горох по тарелке, а по возвращении в деревню их приходилось силой загонять в переулки – тут и начиналась настоящая чехарда: начнут хозяева пересчитывать в хлеву овец и находят, что одна или несколько – чужие. Чтобы избежать подобной путаницы, домашний скот метили. Кто-то использовал для этих целей сажу, кто-то – синьку, иные мазали бока и спины животных красными или зелеными чернилами. Ввиду того, что скот выгоняли на выпас до восхода солнца, когда трава была влажной от росы, метки на животных расплывались, вследствие чего деревенское стадо напоминало разноцветную палитру художника, вышедшего на природу на этюды.

Услышав мычание коров, Пелагея засуетилась, кликнула Настю и наказала встретить корову. «С овцами будь внимательней, в прошлый раз из-за разговоров с Тамарой овцу Речинцевых в хлев загнала, – напомнила женщина, – мне Павлика со Светланой вымыть нужно и чистое белье отцу приготовить – после работы наверняка захочет обмыться...»

– А можно я потом на танцы схожу? – робея, спросила Настя.

– Иди за скотиной – потом поговорим... – сердито произнесла Пелагея и, взяв на руки Светланку, пошла в баню.

«Как это понимать?.. – расстроилась Анастасия. – А с Томкой нужно что-то делать – достала она меня своей ревностью, взяла моду провожать меня после танцев... Это она специально, чтоб никто из мальчишек меня не провожал. Зря переживает – мне никто не нравится, разве только Костик Николайчук, да и то – самую малость...»

Настя повесила на забор тряпку, вылила под плетень воду из ведра и отправилась встречать Пальку. Выйдя на большак, она встретила с одноклассниками. Колька Седельский и Виктор Рыжаков, которого за огненно-рыжие кудри в селе прозвали Рыжиком, были закадычными друзьями, где находился один – там и другой, это обстоятельство было весьма на руку сельчанам, но зачастую подводило ребят. Увидев девушку, парни оживились, и Рыжик с театральной наигранностью произнес: «Ззз... драсте!» Колька толкнул друга плечом, сорвал с его головы кепку, прижал ее к своей груди и, отвесив девушке поклон, выпалил: «Наше вам с кисточкой!..»

Настя залилась румянцем, отбросила за спину длинные тугие косы, поздоровалась с парнями и прошмыгнула вперед.

– Своего верного Санчо Пансо ищешь – Тамарку? Она на мосту... – проводив девушку взглядом, произнес Виктор и, глянув искоса на друга, спросил: – Ты придешь сегодня на танцы? Приходи... я тебе груш принесу, а если согласишься, то на лодке покатаю...

– Вот еще! – фыркнула Настя. – Стану я с тобой на лодке кататься... И вообще, что ты ко мне привязался?.. – девушка увидела Коржакову и поспешила ей навстречу.

– Что Рыжику от тебя надо? – подбежав к подруге, воинственно произнесла Тамара. – Давно я его кудри не прорежала... Сейчас я ему покажу, как к девчонкам цепляться! Тоже мне – ухажер нашелся... – ладони девушки сжались в кулаки, готовые вцепиться в пышную шевелюру одноклассника.

Колька Седельский и Виктор Рыжаков, осведомленные о задиристом нраве Коржаковой, стали медленно отступать к реке, надеясь, что в зарослях прибрежного кустарника девушке не с руки будет вести боевые действия.

– И надо было тебе трогать Настю... – обращаясь к Виктору, недовольно буркнул Колька. – Знаешь ведь Коржакову – никогда не угадаешь, что может выкинуть эта сумасшедшая...

Но Тамару было уже не остановить: разозлившись, что на ее любимую подругу осмелились взглянуть парни, девушка потеряла над собой контроль – она проявляла нетерпимость к любому, кто одаривал Настю своим вниманием. Гнев Коржаковой проявлялся столь бурно и стихийно, что дерзнувшему посмотреть на Настю предпринять что-либо в свою защиту было сложно. Вот и сейчас Тамара быстро нарвала крапивы у обочины дороги и с яростью бросилась на одноклассников. Не давая парням опомниться, она хлестала их жгучкой и пинала ногами.

– Малохольная, ты что – с цепи сорвалась? Чего завелась? – защищаясь, кричали мальчишки, пытаясь увернуться от тумачков девушки.

Сельчане, встречавшие у моста домашний скот, в изумлении наблюдали, как Тамара мутузила парней, сбив Рыжакова с ног, девушка хлестала его крапивой, пытаясь засунуть пучок жгучки парню в рот. Колька Седельский, старавшийся оттащить разъяренную одноклассницу от друга, зацепился ногой о пень и ринулся носом в землю.

– Прекрати! Слышишь?.. – попыталась образумить подругу Анастасия. – Ты же пионерка! Возьми себя в руки! Ты подумала, что будет, если об этом узнает бабушка Дуня? Теперь она точно не пустит тебя на танцы... – видя, что Тамара не обращает на ее слова внимания, девушка отошла в сторону и в сердцах произнесла: – Ну, тебя, Томка, от тебя одни неприятности, не смей больше ко мне подходить!

В это время к мосту подошло деревенское стадо. Впереди, не спеша, шла корова Коржаковых, ее большое, полное молока вымя мерно покачивалось из стороны в сторону, почти касаясь земли. Иссиня-черная окраска шерсти и высоко поднятые рога Красавки внушали страх. Более десяти лет она радовала хозяйку большими надоями молока, которое по результатам замеров на молокопункте было признано самым жирным в деревне. Тамара глянула на мост, прекратила драться с парнями, отряхнула испачканное платье и побежала встречать кормилицу. Красавка свернула в переулочек, замычала и направилась к дому, за ней последовала Палька, а за коровами, наскაკивая друг на друга, побежали овцы.

«Глупые животные, – заметила Настя, – возвращаются домой, а ведут себя, будто их на эшафот гонят. Чего сгрудились?..» Девушка прошла вперед и ласково позвала: «Овульки, овульки!..» Услышав знакомый голос, овцы перестали тыкать носами в чужой плетень и побежали к дому, еще минута, и Анастасия загнала их в хлев. «Надеюсь, теперь меня пустят на танцы...» – подумала девушка.

– Вот ты где! – услышала она голос Тамары. – Ну, так как – идем?..

Настя обернулась и увидела одноклассницу.

– Не знаю... – пожала плечами девушка.

– Что значит – не знаешь? Мы же договаривались...

– Пока ничего определенного сказать не могу.

– Брось, пошли к твоим родителям...

Девушки поднялись по ступенькам крыльца и вошли в дом.

– Добрый вечер! – поздоровалась с хозяевами Тамара.

– И тебе не хворать... – улыбнулась Пелагея. – Ты ужинала?

– Да.

– А мы вот только собираемся...

– Мам! Мы сегодня все сделали? – спросила Анастасия.

– Вроде, да. А что?

– Можно я схожу на танцы?

– Каждый раз одно и то же... – недовольно буркнула Пелагея. – Побыла бы дома, отдохнула... Чего молчишь, Степан?

Мужчина отложил в сторону починенный сандалий Светланки и произнес:

– Мать права, за свою жизнь еще напляшешься...

Пелагея с благодарностью глянула на мужа. «Молодец, – мысленно похвалила она мужчину. – Меня уважил и девчат не обидел. Не каждый родной отец сумел бы найти нужные слова, а он – отчим, однако же Настю любит и, как может, о ней заботится...»

– Послушай отца, дочка, прав он... – вслух произнесла хозяйка.

Анастасия не ждала другого ответа. «Как всегда... – с горечью подумала девушка, – работай с утра до вечера, а отдыхай, лежа на завалинке...»

– Пелагея Михайловна, Степан Федорович... – вступилась за подругу Тамара. – Отпустите Настю, во сколько скажете – во столько и вернемся, обещаю проводить ее до дома...

«Кто бы сомневался», – мысленно ухмыльнулась Анастасия.

– Ты кого угодно уговоришь, – сдалась Пелагея. – Идите, только чтоб к полуночи были дома!

Тамара ликовала, она незаметно ущипнула подругу и, подтолкнув ее плечом к двери, шепнула:

– Давай скорее! Я тебя на улице подожду.

Опасаясь, что мать передумает, Анастасия открыла шкаф, сняла с плечиков любимое платье и выбежала на веранду. Переодевшись, девушка глянула в зеркало и подумала, что ни у одной девчонки в деревне нет такого красивого наряда. Светло-салатовое, с темно-зеленой каймой по краю пышной юбки, платье прекрасно сочеталось с загорелой кожей и выразительными, словно спелые вишни, глазами девушки. Сшитое по последней моде, оно плотно облегло ее стройную фигуру, а ажурный белый воротничок подчеркивал ее лебедию шею. Поправив юбку, Настя вспомнила историю, связанную с появлением в ее гардеробе этого наряда, платье попало в руки отчима случайно...

Как-то вечером, завершив обход путей, Степан возвращался в контору, путь пролегал мимо железнодорожного вокзала. Мужчина обратил внимание на молодую женщину, искавшую что-то в сумочке.

«Видно, городская...» – подумал Степан.

Вечерело. На станции, кроме незнакомки, других пассажиров не было. Заметив на лице женщины слезы, Степан подошел к ней и поинтересовался, что случилось. Тронутая участием незнакомца, женщина поведала, что была в местном Доме отдыха и по окончании путевки хотела уехать домой. На станции выяснилось, что деньги, отложенные на обратный путь, пропали. В отчаянье незнакомка призналась, что не знает – возвращаться ли ей в Дом отдыха, чтобы одолжить необходимую сумму денег или... Женщина с надеждой взглянула на Степана и предложила купить что-либо из ее гардероба. Мужчина растерялся, но затем, подумав, согласился. Незнакомка раскрыла чемодан и предложила новое платье, сшитое накануне отъезда в отпуск. Степану наряд пришелся по нраву, он решил, что платье подойдет Анастасии. Заплатив незнакомке, мужчина оставил в конторе рабочий инструмент и поспешил домой. Посоветовавшись с женой, он решил подарить платье падчерице на день рождения. Так в гардеробе девушки появился модный наряд.

Настя очередной раз взглянула в зеркало, поправила косы и выбежала на улицу, Коржакова окинула подругу придирчивым взглядом и, покачав головой, произнесла:

– Королевна!

– Да, ну тебя, Томка, – смутилась Настя.

– Девчонки лопнут от зависти...

– Тебе нравится?

– Еще бы! Мне б такое платье – я была бы вне конкуренции... – Тамара посмотрела на свое простенькое ситцевое платье, заметно полинявшее от стирки и, затянув потуже пояс, выпалила: – Не вещь красит человека...

– Верно, – кивнула Настя, – на тебя что ни надень – во всем хороша...

– Вот мы какие... – улыбнулась Коржакова. – Ну, что – пошли?

– Пошли...

Девчата взялись за руки и побежали на вечеринку.

ГЛАВА 2

ГУЩИНСКИЙ ДОМ ОТДЫХА был организован в 1918 году на базе национализированной панской усадьбы. Вплоть до 1917 года она являлась родовым поместьем Родкевичей, проект усадьбы был разработан итальянскими зодчими и воспроизведен мастеровыми руками крестьян и ремесленников под руководством иностранных специалистов. Дом был построен на живописном берегу Болотянки – это было легкое просторное двухэтажное здание, с трех сторон окруженное лесопарком. Фасад дома украшали беломраморные колонны, верхний этаж был увенчан куполом, перед парадным входом была разбита клумба, в центре которой располагался фонтан. От клумбы, словно лучи от солнечного диска, отходили тенистые аллеи. В центре лесопарка был выкопан пруд, посреди которого возвышался небольшой островок. В пруду разводили зеркального карпа, а для любителей водных прогулок была оборудована лодочная станция. Искусственный водоем сообщался с рекой узким каналом, по живописным берегам которого росли плакучие ивы и серебристые лозы. Уютные лавочки, беседки и цветники радовали глаз по всей территории парка, что делало прогулки под тенистыми сводами вековых деревьев приятными и незабываемыми. С первых дней существования Дом отдыха стал центром общественной и культурной жизни области, а к концу тридцатых годов слава о гущинской здравнице вышла за пределы области и привлекла внимание руководства и специалистов других регионов. Особой популярностью она пользовалась у местной молодежи из-за проводимых здесь вечеров отдыха. Увлекательные игры и конкурсы, проводимые массовиками-затейниками, популярные киноленты, демонстрируемые в летнее время на открытом воздухе, привлекали молодежь из близлежащих деревень. Время от времени между местными жителями и отдыхающими завязывалась крепкая дружба, а порою вспыхивала любовь. Одна из таких удивительных историй произошла с матерью Анастасии.

Приехав в Гущино на отдых, Пелагея и не предполагала, что это событие в корне изменит ее судьбу. С первых же дней ей начал симпатизировать завхоз Дома отдыха – Степан Устиненко. Молодая женщина нравилась многим мужчинам, но сердце ее ответило взаимностью только Степану. Пелагее было тридцать шесть лет, она была разведена с мужем и воспитывала дочку. Работать в колхозе и вести домашнее хозяйство было нелегко, но связать судьбу с кем-либо из тех, кто на ее родине предлагал ей замужество, она не решалась – горький опыт неудачного замужества сделал женщину недоверчивой и осторожной в выборе спутника жизни. Степан Устиненко был старше Пелагеи на два года и до этого в браке не состоял. Завидный жених в деревне так и не встретил ту единственную, ради которой согласился бы расстаться с холостяцкой жизнью. Кто знает, сколько бы еще он прожил бобылем, если бы судьбе не было угодно свести его и Пелагею в Доме отдыха. Работа завхозом требовала от мужчины внимательного отношения к нуждам отдыхающих. Ответственно относясь к порученному делу, Степан много времени уделял изучению условий жизни приезжих, их нужд и проблем, что давало ему возможность встречаться и беседовать с персоналом здравницы и теми, кто приезжал отдыхать по путевкам. С первой же встречи Пелагея произвела на Степана неизгладимое впечатление, он не знал, что притягивало его к этой женщине, но дело обернулось так, что мужчина, которого в деревне считали заядлым холостяком, потерял голову и покой из-за незнакомки, что бы он ни делал – все мысли были только о ней.

Пелагее тоже понравился молодой мужчина и то, с каким вниманием и заботой он относился к людям. Женщина сожалела, что придет время покинуть Гущино, ей нравилось разговаривать со Степаном, слушать его мудрые речи, смотреть в его бездонные синие, словно озера, глаза и чувствовать себя понятой и защищенной. Даже из короткого знакомства стало ясно, что Степан – тот редкий мужчина, который способен сделать счастливой любую женщину. Степан тоже переживал, что придется расстаться с понравившейся ему женщиной, он не представ-

лял свою жизнь без нее, днями и ночами мучился, не решаясь сказать Пелагее о своих чувствах. Сколько бы это продолжалось – неизвестно, все решил отъезд женщины домой. Когда срок пребывания Пелагеи в Доме отдыха истек, Степан предложил ей выйти за него замуж и переехать жить в Гушино. Сначала Пелагея растерялась... Оставить насиженное место, расстаться с дорогими ее сердцу людьми и переехать жить в незнакомую местность – на это было решиться трудно, однако, взвесив все за и против, женщина решила рискнуть – больно уж запал ей в сердце расторопный и внимательный завхоз. Пелагея понимала, что другой такой возможности изменить свою жизнь может не представиться, поэтому, подумав, согласилась и с того момента ни разу не пожалела о принятом решении. Степан оправдал надежды женщины – он стал добрым мужем и заботливым отцом детям. Настю Степан принял, как родную, и никогда не давал девочке повода усомниться в искренности его чувств. Даже тогда, когда у Степана и Пелагеи появились совместные дети, мужчина не разделял их на своих и чужих. С тех пор прошло много лет, жители Гушино с равным уважением относились к Степану, его молодой жене и традициям, которые отец и мать пытались привить своим детям. После переезда в Гушино Пелагея несколько лет работала в прачечной Дома отдыха, работа была тяжелой, изнурительной, поэтому, когда Степан решил стать путевым мастером на железной дороге, Пелагея устроилась на работу в колхоз, чтобы иметь положенный при этом земельный участок. Работа на земле была знакома женщине. С раннего утра до позднего вечера она трудилась, чтобы заработать трудовни, которые местный бригадир со скрупулезной педантичностью отмечал в журнале в виде простых палочек. Когда Анастасия подросла, мать стала приобщать ее к коллективному труду. К этому времени здоровье Пелагеи стало давать сбой, по этой причине руки матери на общественных работах в колхозе и по дому все чаще стали заменять проворные руки старшей дочери. Пелагея понимала, что, переложив на плечи девушки часть своего труда, она лишала ее детства, потому при всей строгости воспитания делала Насте поблажки.

В летнее время танцевальные вечера в Доме отдыха проводились в лесопарке. Вот и в этот раз в ожидании начала вечера вокруг вымощенной досками площадки собрались любители потанцевать, а чуть поодаль, на деревянных лавках, устроились отдыхающие преклонного возраста и свободный от работы персонал здравницы. Закончив краткую вступительную речь, массовик-затейник объявил первый танец. Патефон скользнул иглой по пластинке и издал первые звуки, по которым легко было узнать мелодию хорошо всем известного вальса. Мужчины засуетились и двинулись в направлении ожидавших приглашения женщин. Среди парней выделялся механик местной МТС Иван Варенков, который вопреки запретам руководства Дома отдыха регулярно посещал вечера отдыха. С ним были трое его друзей: Леонид Баренцев, а также Федор и Антон Кругловы. Ловкие и быстрые в работе, они столь же хорошо преуспевали на любовном фронте. Вслед за известными в округе кавалерами поспешили сделать приглашение на танец другие мужчины. Манерно отвесив поклоны своим избранницам, кавалеры проводили дам на площадку и закружили их в вальсе. Легкие женские юбки и платья заколыхались в такт звучащей музыки. В этот момент к забору Дома отдыха, запыхавшись, подбежали Тамара и Анастасия. Одноклассницы, заждавшись подруг, недовольно заметили:

– Наконец-то! Мы уж думали – вы не придете... Опять Настькиных родителей упрашивали? Предлагали ведь зайти за вами...

– А чего не зашли? Думаете, мне приятно каждый раз штурмовать этот бастион? – буркнула Тамара.

– Из-за вас чуть самое интересное не пропустили, – с укором бросила Фаина.

Подруги прильнули к забору и стали наблюдать за происходящим на танцплощадке.

– Будь мы там – весь расклад мог быть другим... – прошептала Фаина.

– Что толку от твоих мечтаний? – хмыкнула Коржакова. – Если бы, да кабы – айда на танц-площадку! Вон как там светло и весело – это вам не сельский клуб, где из-за темноты ни зги не видно.

– Брось, Томка, опять ты за свое, – попыталась образумить подругу Зинаида, – знаешь ведь, что нам нагорит, если мы тебя послушаем...

– А может, и вправду махнем?.. – поддержала Коржакову Фаина. – Вон как пары красиво кружатся – так и пишут, так и пишут! А музыка... не то, что наш деревенский гармонист пилюкает...

– Бросьте, девчонки! – попыталась образумить подруг Анастасия. – Знаете же, что нам туда нельзя... – девушка неодобрительно глянула на одноклассниц, но по выражению их лиц поняла, что остановить их будет трудно.

Пытаясь воспрепятствовать проникновению подруг на территорию Дома отдыха, Настя закрыла спиной дыру в заборе. Тамара властным движением руки оттолкнула ее, схватила девушку за руку и потащила к танцплощадке, за ними на территорию лесопарка проникли Роза, Фаина и Зинаида. Пробравшись сквозь густые заросли акации, обрамлявшей деревянный настил, девушки остановились под раскидистой кроной вяза и с нескрываемым интересом стали наблюдать за происходящим.

– Гляньте, Варенков опять с той же кралей танцует – похоже, всерьез на нее глаз положил... – заметила Зинаида. – Смотрите, как он на нее смотрит...

– А она ничего... Прическа, как у артистки, и кофточка модная... Красивая! – рассматривая зазнобу земляка, произнесла Фаина. – Только, что толку – все равно уедет.

– Жаль Ваньку, – вздохнула Зинаида, – такая красавица не скоро забудется...

– Ты за него не беспокойся – еще посмотрим, кто по ком сохнуть будет, – переживая за брата, ответила Роза.

– А Ленька Баренцев... Только посмотрите, сколько галантности – никогда б не подумала... – удивилась Тамара.

– Да ну вас, девчонки, до всего вам дело, будто поговорить больше не о чем... – фыркнула Настя.

Игла патефона соскользнула с пластинки, вальсирующие пары остановились и с досадой посмотрели на массовика, ожидая, что он исправит ситуацию.

– Извините, маленькая неувязочка... – смутился мужчина и попробовал завести патефон, однако у него ничего не вышло. – Приносим извинения, сейчас все исправим... – засуетился ведущий.

Кавалеры поблагодарили дам за танец, откланялись и, отойдя в сторонку, завели оживленный разговор. То тут, то там на фоне зелени лесопарка вспыхивали и медленно гасли огоньки их папирос, народ отдыхал в ожидании следующего танца...

– А теперь – кадрили! – торжественно провозгласил массовик-затейник. – Прошу желающих на площадку...

Фаина и Тамара переглянулись, в глазах девушек загорелись озорные огоньки.

– Девчонки, покажем приезжим, как надо танцевать! – подзадорила подруг Рудакова.

– Пошли! – поддержала подругу Зинаида.

На дощатый помост устремились танцоры, в этот момент из зарослей акации вышли деревенские мальчишки.

– Одноклассники... – шепнула девчатам Тамара. – Что сейчас будет...

– Уймись! – приструнила подругу Анастасия.

– Добрый вечер! – проходя мимо девчат, поздоровались парни.

– Добрый, коли не шутите... – ответила Фаина.

Зазвучала музыка, танцующие парами двинулись по кругу... Легкой поступью, в такт зажигательной мелодии танцевали женщины и девушки. Слегка чопорно, расправив плечи,

притопывали ногами о деревянный настил мужчины и парни. По мере продолжения танца все озорнее и смелее поглядывали друг на друга партнеры, пары менялись местами, кавалеры засыпали дам комплиментами. Настя с завистью смотрела на танцующих и с трудом сдерживала себя, чтобы не пуститься в пляс. «Счастливые... – думала девушка, – как бы я хотела быть на их месте!» Она любила танцевать, в такие моменты в ее бездонных глазах будто загорались таинственные огни. В минуты вдохновения и радости девушка словно светилась изнутри, её глаза, как зеркала, отражали внутренний настрой. Настя обладала удивительной способностью настраивать на возвышенную волну окружающих, вот и сейчас, сама того не сознавая, она привлекла к себе всеобщее внимание. пышное модное платье и гибкий стан подчеркивали ее природную статность и очарование. Женщины, сидевшие на лавочках по периметру танцплощадки, с нескрываемым любопытством рассматривали присутствующих и мирно вели беседу.

– Гляньте, как повзрослела старшая Пелагеи... Настоящая красавица, – заметила повара Дома отдыха Акулина.

– Есть в кого – Пелагея в молодости тоже писаной красавицей была, если б не ее недуг, она бы и сегодня многим фору дала, уж дюже прыткая была – оттого, видать, силенки и надорвала... – поддержала разговор прачка Надежда Быстрова. – Настена дивчина ладная, послушная и в учебе, говорят, смышленная. По окончании семилетки хочет в педагогический техникум поступить – на учительницу выучиться...

– А что – это дело! Из нее хорошая учительница выйдет! Что в этом деле главное? Чтоб педагог хорошим человеком был, предмет свой досконально знал, мог детей к себе расположить, дарования в них разглядеть и по нужному пути направить... – высказалась Акулина.

– Что и говорить... – вздохнула уборщица Дома отдыха Ольга Игнатьева. – От учителя, и впрямь, многое зависит. Взять, к примеру, нашего физика – Георгия Константиновича Рогозина – редкий человек: культурный, интеллигентный, ученый... Мой Санька его предмет страсть как любит, книжку по физике от корки до корки прочитал, а имя учителя с языка не спускает, только и слышу: «Георгий Константинович сказал... Георгий Константинович сделал...» После уроков в школьной мастерской подолгу задерживается, все какие-то опыты по физике ставит, что-то мастерит... – женщина поправила на голове платок и стала рассматривать девушку, с которой танцевал Варенков.

– Этот Рогозин – чудаковатый... – хихикнула Надежда. – Сама не раз видела, как он по школе какие-то блестящие шары на палках таскает, а давеча в актовом зале что-то похожее на тарелку повесил, говорят – радио, ученики старших классов под руководством физика его из разных деталей собрали, теперь на большой перемене Москву слушают...

– Вот и получается, что учеба – свет!.. Эх, если б я была моложе – обязательно бы на библиотекаршу выучилась... – высказала вслух свою давнюю мечту Ольга. – Страсть как люблю книжки читать, только времени на это не хватает...

– Что и говорить – бабья доля нелегкая, некогда нам было, соседочки, учиться... Время такое на наш век выпало, может, хоть нашим детям повезет – выучатся, в город уедут, иную жизнь узнают... – вздохнула Акулина.

За беседой женщины не заметили, как закончилась кадрили, и массовик-затейник объявил «Барыню». Баянист Дома отдыха достал из чехла инструмент, сел на табурет, поставил баян на колени и занес ладони над рядами глянцевых кнопочек. Сделав небольшой проигрыш, мужчина стал наигрывать мелодию. На помост, игриво поглядывая на кавалеров, вышли три молодые женщины и, грациозно взмахнув платочками, пустились в пляс, гармонист оживился и прибавил темп, его черный завитый чуб то опадал на широкие изломленные брови, то прикрывал прихваченный сединой висок. «Барыня ты моя, сударыня барыня...» – хлопая в ладоши, подпевали отдыхающие, исполнительницы вовлекали в танец все новых и новых участниц, и вскоре «Барыню» лихо выплясывали почти все присутствующие.

– Активнее, товарищи, активнее!.. – подзадоривал отдыхающих массовик-затейник.

Дух веселья охватил всех присутствующих, казалось, даже вечерняя прохлада отступила. Анастасия, словно замороженная, смотрела на танцплощадку...

– Эх, была – не была! – решительно произнесла Коржакова.

– Ты, что, Томка, не дури... – схватила ее за руку Фаина.

– Отвяжись! И потанцевать нельзя...

– Танцуй сколько угодно, только не здесь, знаешь, что будет, если Гольдман узнает...

Тамара насупилась и гневно глянула на подругу:

– Отпусти! – пригрозила она девушке.

– А то что?

– Сейчас узнаешь, – Тамара толкнула одноклассницу в грудь и с силой дернула за косу.

– Ай! – вскрикнула Фаина и ударила обидчицу по руке.

– Ну, держись! – сквозь зубы процедила Коржакова и вцепилась руками в волосы подруги.

– Девчонки, вы что?.. – опешила Настя и бросилась разнимать одноклассниц, Роза и Зинаида присоединились к ней.

Раззадоренный весельем ведущий объявил «Польку», затем «Подыспань» и под занавес вечера – «Краковяк», однако все это осталось для девчат за кадром. Одноклассники с ухмылкой посматривали на кусты акации, где под пологом сгустившейся ночи подруги пытались урезонить разбушевавшуюся Тамару.

– Коржакова в своем репертуаре, – заметил Седельский, – видно, ей сегодня не хватило...

– Да ну ее... Давно можно было разобраться – не хочется связываться с девчонкой, – махнул рукой Юрий Стригунов, которого в деревне за его живой непоседливый нрав звали Стригунком.

– Пацаны, сторож идет! – шепнул Рыжик и скрылся в кустах сирени.

Парни пригнули спины, юркнули в кусты, добежали до забора и, крикнув одноклассникам «Атас!», бросились врассыпную. Анастасия и Зинаида растащили подруг и, увидев приближающегося сторожа, последовали за одноклассниками.

Девчата покидали территорию Дома отдыха без настроения, ссора, затеянная Коржаковой, испортила впечатление от вечера.

– Отдохнули... – приглаживая растрепанные волосы и недовольно поглядывая на Тамару, буркнула Фаина. – Устроила вечеринку – нечего сказать... Что ты все оглядываешься?

– Седельского ищу... – ответила Коржакова и внимательно осмотрелась по сторонам.

– Дался тебе этот Колька... Зачем он тебе? – поинтересовалась Зинаида.

– Должок отдать...

– Уймись, тебя в деревне за девчонку не считают... – укорила подругу Анастасия.

– Что вы ко мне привязались?.. – огрызнулась Тамара. – Бабка с утра до ночи воспитывает, учителя в школе – теперь вы! Что я такого сделала? Подумаешь – подралась с мальчишками... Ну и что, за дело досталось, чтоб не лезли, куда не след... Я за вас – в огонь и в воду, синяк вон на ноге посадила... – девушка подняла подол платья и показала одноклассникам свое боевое ранение.

На правой ноге девушки чуть выше колена красовался синяк размером с кулак – следствие драки с Седельским и Рыжаковым.

– Ничего себе! – ахнула Фаина. – Бабе Дуне что скажешь?

– Ничего.

– Больно?.. – поинтересовалась Зинаида. – Нужно лист подорожника приложить – мне бабушка советовала.

– Знаем мы твою бабку! Не зря ее знахаркой зовут, – одернув платье, произнесла Коржакова.

– Нечего сплетни разносить! – приструнила ее Анастасия.

– А это не сплетни... – возразила Тамара. – Я сама видела, как кузнец свою жену к ней на телеге привез, прыгнул с воза и как закричит: «Спасай, Федосья! Помирает Клавдия, змея ужалила в руку...» Гляжу – а в телеге жена кузнеца лежит, лицо испариной покрылось, рука и губы посинели, опухли, думала, впрямь умирает... Баба Федосья выбежала из дома, пальцы к ее шее приложила и говорит: «Еле поспел ты... Если б чуть позже привез – ей бы уже никто не помог, а так – не переживай, выходим мы твою Клавдию, не голоси по живой, как по покойнице, не к добру это...» А потом увидела меня и давай со двора гнать, а я любопытная... За калитку выбежала и за куст калины спряталась. Вижу – бабка Федосья над Клавдией склонилась и безымянным пальцем вокруг укуса змеи круг чертит, а сама что-то тихонько нашептывает, потом плюнула трижды через левое плечо и пошла в дом, принесла бутылку с черной жидкостью и рану Клавдии ею намазала, а поверху льняной тряпицей повязала. Кликнула она кузнеца и говорит: «Я свое дело сделала, теперь пусть природа свою работу выполнит... Будь с ней рядом и наблюдай, если глаза до заката солнца не откроет – пошли за мной, а сейчас ступай, мне отдохнуть надо – стара я стала, силы уже не те...» С тем Иван и уехал, а о том, что дальше произошло, я от своей бабушки узнала. Она в тот вечер трижды к кузнецу навевалась – все о здоровье Клавдии справлялась, так вот, моя бабушка рассказывала, что как только солнце стало садиться, Клавдии стало лучше, а ты говоришь – сплетни...

– И я об этом слышала, – кивнула Роза.

– Мама говорила, что бабушка Федосья многим в деревне помогла, даже жизнь спасла... – добавила Фая.

– Тоже мне, защитницы... – хмыкнула Анастасия. – А еще заявление о приеме в комсомол писать хотите, комсомольцы должны быть убежденными ленинцами и разъяснять политику партии, а она, как вам известно, против суеверий. Эх, вы... Мне за вас стыдно! Несете всякий вздор...

– Зря ты так, Настя! Я со своей бабкой с самого рождения под одной крышей живу, потому лучше тебя знаю – сказки это или нет, – вступилась за родственницу Зинаида. – Вот скажи, кто лучше ее в колхозе знает, что пришла пора сеять в землю зерна различных сельскохозяйственных культур? Даже агроном с ней советуется! И ветеринар наш частенько к ней заходит, а когда у наших женщин роды с осложнениями бывают – к кому за помощью спешат? К моей бабке...

– Не знаю... – покачала головой Анастасия.

– То-то! Мы на жизнь глаза не закрываем и тебе не советуем, а то знаешь, как бывает – кто от чего зарекается, тот с тем и сталкивается. Мне бабушка об этом неоднократно говорила...

– Что вы взяли меня агитировать? Не знаю, чему вы там были свидетелями, только в моем доме я таких разговоров не слыхала! Ну вас... – махнула рукой Анастасия и поспешила домой.

Девушки растерялись, они не ожидали, что так выйдет.

– Нехорошо как-то... Настька по-своему права. Не дело нам подобные слухи распространять... Что, коли до директора школы дойдет? Из пионерской организации исключить могут и в комсомол рекомендации не дадут, а без комсомола сейчас никуда... – забеспокоилась Фаина.

– А кто хотел, чтоб так получилось? Просто моя бабушка на самом деле много знает...

– А правда, что она в Бога верит? – поинтересовалась Тамара.

– Верит или нет – точно не скажу, мне она об этом не докладывает, а травы различные и много чего другого – знает... «Природа, – говорит бабушка, – хранит в себе много тайн. Только открывает она их самым пытливым и добрым. Надо, – говорит, – жизнью заслужить доверие Природы, потому что она читает сердца человеческие, как мы – книги...»

– Тебя послушать, так твоя бабка умнее профессора, – ухмыльнулась Коржакова.

– Она, конечно, не профессор, но толк в жизни знает... – ответила Зинаида.

Разговаривая, девушки не заметили, как дошли до перекрестка. Полная луна, словно зажженный фонарь, горела на усеянном звездами небе и заливала округу серебристо-голубым светом, придавая природе торжественную таинственность. Где-то за рекой тихо играла гармонь, ветер доносил до слуха девчат женские и мужские голоса, весело исполнявшие частушки. Порой усиливающиеся порывы ветра и шум листвы вековых дубов, росших вдоль дороги, прерывали звуки, отчего создавалось впечатление, что гармонист играет, а певцы поют с переборами.

– Ну что – прощаемся? – зевнув, спросила Фаина.

– А может, махнем в Заречье – там вечеринка только начинается... – предложила Тамара.

– Угомонись! – попыталась образумить подругу Зинаида. – Сейчас ты готова до утра плясать, а завтра будешь носом на уроках клевать...

– Ну их, Розка, пойдем вдвоем! Сами потом будут завидовать... – продолжала провоцировать Коржакова. – А поют-то как, поют...

– Поют на самом деле хорошо, – вздохнула Роза, – только я – домой, не хватало еще утром проспать – тогда точно неприятностей не оберешься...

– Тебе, Томка, не мешало бы вспомнить, как ты заснула на уроке географии и, падая, опрокинула чернильницу на спину Розе, – напомнила Фая. – Из-за того, что ты всю ночь гуляла – пришлось потом краснеть перед всем классом, так что ты – как хочешь, а я – домой.

~◇~

Девушка попрощалась с подругами и свернула в свой переулочек, она сердилась на Зинаиду из-за того, что ей пришлось одной идти по темному переулочку. Фая с опаской поглядывала по сторонам и уговаривала себя сохранять спокойствие. Деревья и кустарники, росшие вдоль дорожки, отбрасывали на землю извилистые тени, которые в лучах ночной странницы казались враждебными. Тяжелые кучевые облака, словно потерявшие гавань корабли, медленно проплывали по небу, время от времени закрывая диск ночного светила, Фая прибавила шагу и постаралась побороть страх. «Чего мне бояться? Я не в лесу... – успокаивала себя девушка. – Еще немного – и буду дома...» В этот момент в памяти Фаины всплыл рассказ Стригунка о кладбищенских привидениях, девушка съежилась и побежала по переулочку. Когда до дома оставалось метров пятьдесят, из-за пышного куста жасмина, росшего у плетня, выскочил всклокоченный черный кот и с диким воплем бросился ей под ноги. «Ай!» – вскрикнула девушка и, зажмурив глаза, отскочила в сторону, шерсть на животном встала дыбом, кот зашипел, словно змей, и замер. В этот момент из темноты выскочил серый кот, прыгнул на спину сородичу и стал кусать и безжалостно рвать его когтями, издавая душераздирающие звуки, отнюдь не похожие на кошачье мяуканье.

– Тьфу, окаянные! – выругалась Фаина. – Прочь с дороги!.. – девушка подняла с земли сухую ветку жасмина и хлестнула котиков по всклокоченным спинам, ошарашенные животные прекратили драться, испуганно посмотрели на обидчицу и, прижав уши, побежали прочь, наполняя гулкий ночной воздух диким воплем.

Расчистив себе путь, Фаина побежала к дому, однако не успела она прийти в себя, как услышала впереди рык.

– Что это?.. – съежилась девушка и отпрянула назад.

– Чего кричишь?.. – услышала она голос Стригунка.

Увидев вышедшего из-за дерева одноклассника, Фаина с облегчением вздохнула.

– Ну и напугал же ты меня... – покачала головой девушка. – Шляешься по ночам, словно привидение...

– Прости, не думал, что ты так испугаешься, – виновато произнес парень.

– Что мне от твоих извинений...

– Я просто хотел пошутить... – стал оправдываться Юрка.

– Ничего себе – шуточки, я чуть не умерла от страха...

– Ну, не умерла же.

– Думай, что говоришь... – пристыдила одноклассника Фая.

Юрка расстроился, что ему не удалось произвести должного впечатления на соседку.

– Лучше б я с тобой не связывался! – насупился парень. – Думал, дождусь – посидим, поговорим...

– Вот еще!.. – фыркнула девушка. – Дня мало? А ну, выкладывай, что тебе нужно...

– Что, что... Ничего! – насупился Юрка.

– Твое дело, не хочешь говорить – не говори, в следующий раз, прежде чем приставать с разговорами, приведи себя в порядок – стоишь передо мной с пиджаком на голове, будто пугало в огороде!.. – высказав юноше все, что она о нем думала, Фаина гордо прошла мимо и направилась к калитке своего дома.

– Дуреха! – донеслось до ее слуха.

– Сам такой! – бросила на прощанье Фаина и вошла в дом.

ГЛАВА 3

ЮРКА ПРОВОДИЛ ДЕВУШКУ взглядом и побрел к реке, настроение у парня было испорчено. Погрузившись в думы, он не заметил, как дошел до моста. Выползшая из-за туч луна бросила ленивый взгляд на сонную землю и снова скрылась в облачной выси. Стригунок присмотрелся и заметил на середине моста два силуэта. «Кто бы это мог быть?..» – задумался юноша и, присмотревшись, узнал Виктора Рыжакова и Николая Седельского. Парни сидели на мосту, свесив ноги вниз, и тихо о чем-то беседовали. Увидев друга, Рыжик поинтересовался:

- Что – не спится?
- Угу, – кивнул Юрка.
- Понимаем... – заметил Колька.
- Хватит язвить, лучше выкладывайте, что замышляете...
- Какой ты сообразительный, – ухмыльнулся Рыжик.
- Ну так что?..

Парни перестали махать босыми ногами, переглянулись, и Колька заговорщицки произнес:

- Проучить кое-кого думаем...
- Это вы о Коржаковой? – уточнил Юрка.
- Догадливый... – улыбнулся Виктор.
- Зачем вам сдалась эта малохольная? Подумаешь, надавала тумачков... Делов-то...

Не первый год ее знаете...

– Ну уж нет! – покачал головой Колька. – У нас с ней давние счеты! Надо ее как следует проучить... Ты с нами?

- Смотря что вы задумали... – уклончиво ответил Юрка.
- Хочешь знать наш план?
- Конечно.
- Тогда – садись...

Юрка сел рядом с одноклассниками и стал внимательно слушать, что они придумали. Изложив в подробных деталях план, Колька поинтересовался:

- Ну, как?
- Класс!!! – улыбнулся Стригунок.
- Значит, одобряешь?..
- Конечно.

Близилась полночь... Звуки гармони за рекой стали отчетливой, по витиеватым переборам музыкального инструмента можно было догадаться, что в Заречье начались танцы. Деревня разделилась на два лагеря: одна часть ее жителей мирно спала, восстанавливая силы после трудового дня, другая – бодрствовала и веселилась. Глядя на мирно текущие воды Болотянки, ребята словно выпали из времени, сколько длилось это состояние – они не знали, очнувшись, они вспомнили о своем плане и приступили к его реализации. Перейдя через мост, заговорщицки отправились к дому Коржаковых, настроение у парней было боевое. «Наконец я сочтусь с Томкой, – радовался Колька, – посмотрю – будет ли у нее после этого желание доучать мне...» Было за полночь, время от времени ночную тишину нарушали лай деревенских собак и звук гармони за рекой. Рыжик шлепал босыми ногами по прохладному дорожному песку и тихо насвистывал мелодию популярного танго. Дойдя до нужного переулка, Колька остановился и предусмотрительно заметил:

– Здесь у Пантюшиных собака... Не кобель, а настоящий зверь, так что давайте тише... Витька, прекрати свистеть, всех собак в округе раздражил...

– Все, могила! – заверил друга Рыжик.

– В целях конспирации действуем без лишних слов... – предупредил Колька.

Парни проскользнули в переулочек, но не успели сделать и нескольких шагов, как из-за высокого забора усадьбы Пантюшиных раздался оглушительный собачий лай. Пес неистово бросался на забор, и казалось, вот-вот разорвет цепь, которой был привязан к будке. При каждом очередном рывке цепь с грохотом ударялась о деревянную стену собачьего жилища, гремя о погнутую железную миску.

– Елки зеленые... – растерялся Рыжик, – так он всех на ноги поставит...

– А то! – ухмыльнулся Юрка. – Это же Гром, его потому так и зовут – за его грозный нрав.

– Зверюга... – с опаской поглядывая на забор, прошептал Колька. – Этот и мыши мимо не пропустит. Говорил вам – не дышите...

В этот момент дверь дома Пантюшиных открылась, и на крыльцо в исподнем вышел хозяин усадьбы.

– Кто тут? – спросил старый охотник. – Тише, Гром! Всю деревню разбудишь...

При виде хозяина пес радостно заскулил, завилял хвостом и снова поднял лай. Старик спустился с крыльца, обошел с винтовкой подворье, проверил замок на хлеву и подошел к Грому.

– Чего поднял переполох? – недовольно произнес мужчина. – А ну – тихо!

Однако пес не унимался...

Парни пригнули спины и, осторожно ступая, хотели прошмыгнуть мимо плетня, но в самый неподходящий момент под ногами Виктора предательски хрустнула ветка, хозяин дома насторожился и подумал, что зря упрекнул своего охранника.

– А ведь ты, Гром, прав, есть за забором кто-то... – заметил старый охотник. – Посмотрим, кто не дает спать по ночам добрым людям...

Парни переполошились, выпрямились во весь рост и что было прыти бросились бежать по переулку. Пантюшин открыл калитку и увидел мелькающие в темноте тени.

– Вот сорванцы... – покачал головой старик, – дознаться б, кто это был...

Добежав до дома Анастасии, ребята отдышались и пошли шагом – до дома Тамары было рукой подать. Усадьба Коржаковых располагалась в конце переулка, на живописном берегу Болотянки, сразу за избой река делала крутой поворот, что делало ее местоположение немного обособленным. Дом был построен мастеровыми руками Ивана Коржакова, деда Тамары, на месте сгоревшей в революцию картонной фабрики. Подойдя к калитке дома, парни остановились. Достав из кармана брюк увесистую картофелину, Виктор обвязал ее длинной шерстяной ниткой и сунул в карман брюк, затем отломал сучок от дерева и сделал рогатину. Николай Седельский и Юрий Стригунов с любопытством наблюдали за действиями друга.

– Готово!.. – закончив приготовления, оповестил одноклассников Виктор. – Я закреплю рогатину над окном, а вы спрячьтесь в кустах и ждите, как вернусь – начнем.

– Давай! – кивнул Колька.

Виктор пробрался к дому Тамары и, воткнув рогатину в расщелину между бревнами, перебросил через нее нить с закрепленной на конце картофелиной. Убедившись, что конструкция держится прочно, юноша протянул нить к кустам черемухи, где скрывались одноклассники.

– Можем начинать... – шепнул Рыжик.

– Сначала спрячьтесь как следует, – посоветовал Колька.

Рыжик пригнул голову, проверил подвижность нити и подал знак о начале операции.

Лунный свет клубящимся столбом проникал сквозь окна дома, наполняя внутреннее пространство серебристо-голубоватым светом. От незамысловатой хозяйской утвари по полу, потолку и стенам скользили длинные черно-серые тени. Тамара спала безмятежным сном, ее

кровать, устеленная мягкой периной, стояла у окна дома. Лежанка бабы Дуни располагалась в глубине жилища, от общего пространства ее отделяла ситцевая занавеска. Посреди комнаты на покрытом ажурной скатертью столе стояли глиняная кринка с молоком и тарелка с ноздреватыми пышными блинами, накрытые рушником. Рыжая кошка Муська, словно меховая подушка, лежала поверху одеяла молодой хозяйки. Внезапно она повела ушами, открыла глаза и испуганно глянула на окно.

– Ш-ш!.. – зашипела кошка и, подняв шерсть дыбом, сверкнула желтыми глазами.

– Бум, бум, бум... – раздался странный стук.

Кошка прижала уши и, спрыгнув на пол, забралась под кровать, Тамара проснулась, подбила руками подушку и, зевнув, повернулась на другой бок.

– Муська, иди ко мне, – позвала любимицу девушка.

«Бум, бум, бум...» – донеслось до слуха Тамары.

– Ш-ш!.. – зашипела под кроватью кошка.

«Что это?» – насторожилась девушка. На душе у Тамары стало неуютно.

«Бум, бум, бум...» – возобновился стук. Ветер за окном, шелест листвы и храп бабы Дуни не давали девушке возможности определить, откуда он исходит.

«Бум, бум, бум...» – снова донеслось до слуха Тамары, на этот раз девушке показалось, что звук идет из глубины дома, все естество ее обратилось в слух, невольно в памяти девушки стали всплывать рассказы деревенской детворы о домовых, оборотнях и злых духах, по телу Тамары пробежали мурашки...

– Бабуля! – ежась от страха, позвала девушка, но вместо ответа услышала громкий храп старухи.

– Бабушка, слышишь?.. – повторила девушка, но в ответ откуда-то сверху послышался таинственный стук.

На этот раз Тамаре показалось, что кто-то ходит по чердаку, кошка выбежала из-под кровати и, мяукнув, скрылась за ситцевой занавеской.

– Мусенька! – натянув выше одеяло, позвала девушка, но кошка проигнорировала зов хозяйки и забралась на печь.

Тамара выскользнула из-под одеяла и, шлепая босыми ногами по холодному деревянному полу, побежала к печке.

– Бабуля, проснись!.. – тронув старуху за плечо, дрожа от страха, произнесла девушка.

Храп женщины прервался, и она сонным голосом спросила:

– Внучка – ты? Неужто еще не ложились?

– Да нет, спала я...

– Случилось что? Я, как легла, еще глаз не сомкнула... – эта фраза потрясла Тамару до глубины души – совсем недавно девушка не могла разбудить опекуншу.

«Бум, бум, бум...» – снова прозвучало в тишине.

– Слышишь этот стук? – спросила Тамара.

– Не шепчи! Знаешь ведь, что я глухая... Что стряслось?

– Такой странный стук... Мне кажется – у нас на чердаке кто-то ходит... – высказала опасение девушка.

– Кому там быть? – махнула рукой старуха. – Может, мышь, может – пацюк, а может – твоя Муська промышляет...

– Да нет же! Стук такой глуховатый, периодически повторяющийся – это не мышь и не коты... Муська на печке сидит, ей этот звук тоже не нравится, чувствует она кого-то, пугается, значит – неспроста...

– Ну, не Муська, так другой кот под стреху забрался. Спи, чего гадать?

– Нет, бабуля, это что-то другое. Стук какой-то странный...

– Тьфу ты, заладила – дался тебе этот стук. Спи – завтра рано вставать.

– А может, это домовый?.. – с опаской поглядывая по сторонам, высказала предположение Тамара.

– Свят, свят!.. – всплеснула руками женщина. – Это от кого ж ты такой ерунды набралась? Чему только вас в школе учат? Вот я сейчас этому домовому покажу... – сердито произнесла старуха.

– Что ты, бабуля! – переполошилась Тамара. – Девчонки говорят, что его нельзя гневить, а то покоя в доме не будет...

– Успокойся, иди спи – сейчас все прояснится...

– Я бы хотела заснуть – только из-за этого стука разные дурные мысли в голову лезут... – дрожащим голосом произнесла Тамара.

– А ты прочь их гони! Пустое это, сдастся мне, что я знаю, что за домовый у нас завелся...

– Как ты можешь его знать – он же невидимый? – оторопела Тамара.

Баба Дуня сняла со спинки стула вязанный шерстяной платок, набросила поверху длинной ночной рубахи и, шаркая ногами по полу, направилась к входной двери. Тамара сняла с гвоздя на стене вязаную кофту и, на ходу надев ее, поспешила за женщиной, вслед за ними спрыгнула с печи кошка. Выйдя в сени, баба Дуня сняла со стены длинный хлыст и, недовольно глянув на внучку, произнесла:

– А ты куда собралась? Будь дома, поди, не лето...

– Что ты, бабуля, мне не холодно, – стуча зубами от страха, ответила девушка.

– Вижу я, как тебе не холодно, вон, дрожишь вся...

– И вовсе это не от холода! Я не знаю, почему меня трясет...

– Ты не знаешь – зато я знаю! – укутавшись в теплый платок, ответила старуха.

Женщина открыла входную дверь и, перешагнув через порог, вышла на улицу. Минуту-другую она осматривалась по сторонам, затем запрокинула голову, вдохнула прохладный ночной воздух и, зачарованная красотой ночи, восторженно произнесла:

– Луна какая сегодня – светло, будто днем. Я такой красоты давно не видала...

Тамара выглянула из-за плеча женщины и с удивлением посмотрела на опекуншу. Порывы ветра на время стихли, и в ночном воздухе воцарилась тишина. Одинокие звезды мирно мерцали на темном небосводе, покрытом белесыми пятнами облаков.

– Любота!.. – восторженно произнесла баба Дуня, сделала несколько глубоких вдохов и, словно напитав свое старческое тело лучами полнокровной Луны, медленно двинулась вдоль стены дома.

Тамара последовала за ней, Муська прыгнула в траву и направилась в глубину палисадника. Увидев из своего укрытия бабу Дуню с хлыстом в руке, парни переглянулись и пригнули головы к земле.

– Замрите! – шепнул Рыжик.

Заговорщики всматривались в темноту, пытаясь угадать, как будут развиваться события дальше. Смекнув, что старуха идет к окну, над которым была закреплена картофелина, ребята замерли – дело принимало нежелательный оборот. Тем временем Муська продолжала осторожно красться к кусту черемухи, где скрывались парни, она почти ползла на животе, медленно переставляя лапки и не отводя глаз от цели. Желая лучше рассмотреть, что происходит возле дома, Николай Седельский отогнул закрывавшую ему обзор ветку и выглянул из куста. В этот момент кошка сделала прыжок и вцепилась когтями в нос парня. Колька взревел от боли и, перепрыгнув через плетень, пустился наутек. Прикрыв расцарапанный нос рукой, парень бежал прочь от дома Коржаковых. Муська подняла хвост трубой и, мяукая, понеслась вслед за ним. Баба Дуня от неожиданности вскрикнула и прижалась спиной к бревнам дома. Тамара услышала крик женщины, вой кого-то, выскочившего из темноты, и тоже закричала.

– А!.. – кричали перепуганные женщины.

– А-а... а-а!.. – вторило им эхо над сонной рекой.

Ошарашенные произошедшим, вслед за исчезнувшим в темноте другом из палисадника выбежали Рыжик и Стригунок. Перескочив через плетень, парни бросились бежать по переулку, шлепая босыми пятками по влажному от росы песку. Вдогонку им неслась раскатистая брань бабы Дуни.

– Ах вы, ироды! Это, кто же вас надоумил людей пугать? Ну, дознаюсь я, кто это был... – угрожающе трясла хлыстом старуха.

Через некоторое время в начале переулка раздался оглушительный лай Грома, эстафету которого подхватили деревенские собаки.

– Всю деревню на ноги поставили, – покачала головой баба Дуня.

Тамара смотрела на свою опекуншу и не могла понять, что случилось, сердце девушки билось с такой силой, что едва не выпрыгивало из груди.

– Это все твои ухажеры... Мало им дня, так они уже ночью повадились ходить... – ворчала старуха.

– С чего ты взяла? Мало ли кому в голову взбрело... – пыталась оправдаться Тамара.

– Говорила я, что твои драки добром не закончатся – не слушала меня...

Тамара не могла взять в толк, почему женщина связала ночное происшествие с ее сче- тами с одноклассниками. По мере того, как девушка приходила в себя, к ней вернулось само- обладание, она в деталях припомнила события ночи и пришла к выводу, что это проделки злых духов, о которых так много рассказывали деревенские ребята. Ярость бабы Дуни понемногу утихла, и вскоре женщины вернулись в дом.

– Ну как, внучка, видела своего домового? – прикрыв входную дверь на крючок, спросила старуха.

– Угу... – кивнула девушка.

– А ведь мы эту загадку благодаря Муське разгадали, это она твоих ухажеров высле- дила – редкая кошка... Пацюка не каждый кот возьмет, а Муська троих вчера задавила. Кто- кто, а она свой хлеб добросовестно отрабатывает... – баба Дуня посмотрела на пушистую геро- иню и улыбнулась. – У котов особое зрение, они в темноте видят то, что мы не замечаем – любую добычу выследят, а уж коли когти в ход пустят – тут вовсе несдобровать... Хорошая кошка ни одной собаке не уступит. Сколько раз видела: прыгнет разъяренная кошка кобелю на загривок и давай его кусать и драть когтями, ездит на нем, как наездница – кобелю белый свет не мил, а сбросить кошку не может... Правду говорят: нет зверя страшнее кошки! Так что домовому твоему я не завидую – все лицо ему Муська расцарапала, по этой отметине мы его и узнаем, ложись спать, может, еще заснешь...

Тамара взглянула на опекуншу – только сейчас девушка поняла, как ей хочется спать, послушав совет бабки, она сняла кофту и юркнула под пуховое одеяло. Светло-каштановые волосы девушки рассыпались по подушке, она закрыла глаза и дала себе слово во что бы то ни стало посчитаться с обидчиками. Тамара усердно пыталась заснуть, но мысли, роившиеся в ее голове, не давали покоя, в ее памяти всплывали картины минувшей ночи, заставляя вновь и вновь пережить все заново. «Надо успокоиться... – уговаривала себя девушка. – Не дело – не спать из-за чьей-то дурной выходки». Веки девушки потяжелели, мысли начали путаться, и вскоре, сама того не заметив, она уснула.

Светало, ночь уступала права новому дню, над рекой клубился белесый туман, певчие птицы мелодичными трелями возвещали о восходе дневного светила, баба Дуня приготовила завтрак и стала будить внучку.

– Вставай, гулена, в школу пора... – суетясь у стола, произнесла женщина.

Тамара потянулась, глянула на часы и снова заснула.

– Говорю же, вставай! – сквозь сон услышала девушка.

«Неужели утро? Как хочется спать... – подумала Тамара. – Кто придумал эту школу? Учат, учат с утра до вечера, а я, может, спать хочу, не пойду на занятия, и все тут...» – девушка натянула на голову одеяло и засопела.

– Вставай, внучка, не то опоздаешь! – сердито произнесла баба Дуня.

Тамара знала, что женщина не отступит, и, отбросив одеяло, встала и пошла умываться.

ГЛАВА 4

ШКОЛА В ГУЩИНО располагалась в одной из хозяйственных построек, входивших некогда в состав усадьбы Родкевичей. Это был большой, добротный дом с просторными прямоугольными комнатами: в одной из них располагалась учительская, в другой – кабинет директора, остальные служили классами для деревенских детей. Школа давала семилетнее образование и являлась центром культурной жизни села. Учительский состав семилетки составляли приезжие, а обслуживающий персонал – жители деревни. Труд учителей оплачивался скромно, поэтому сердобольные сельчане, чем могли, помогали преподавателям. Ежедневно около восьми часов утра школьный двор оживал, деревенская детвора спешила на занятия. По традиции у входа в здание их встречал директор школы Абрам Романович Гольдман. Стоя на высоком деревянном крыльце, мужчина здоровался с учениками и делал им замечания относительно их внешнего вида, успеваемости и поведения. Пройти в школу незамеченным было невозможно. Вот и сегодня, как обычно, директор стоял на своем боевом посту и придирчивым взглядом оценивал всех, входящих в здание. Его костюм был тщательно выглажен, редующие волосы – гладко причесаны и смазаны гусиным жиром. Глянув на уборщицу, мывшую перила крыльца, директор недовольно заметил:

– Что – опять лестницу чернилами намазали? Доберусь я до этих художников...

– Давно пора, – кивнула женщина, – а то пока я перила мою – сама в чернила вымазываюсь, руки потом с трудом отмываю...

– Сегодня же постараюсь выяснить, что за вредитель завелся в школе.

– Так они вам и сказали... – ухмыльнулась женщина.

– Куда они денутся? – ответил директор и вошел в здание.

Проходя мимо группы старшеклассниц, мужчина недовольно глянул на Розу. «Снова кудри навила...» – отметил мужчина. Каждый раз, когда он видел роскошную копну волос Варенковой, его распирало от негодования. «Совсем стыд потеряла... – в мыслях сокрушался Гольдман. – Ничего, я научу тебя, как следует вести себя в школе...» Девушки смущенно посмотрели на директора и вежливо поздоровались.

– Здравствуйте! – ответил глава школы. – Почему вы не в классе? Скоро начнется урок... Варенкова, подойдите ко мне!

Девушки переглянулись и, многозначительно посмотрев на Розу, вошли в класс.

– Снова к ней придирается... – вздохнула Зинаида и с сочувствием посмотрела на подругу.

– Бедная Роза, хоть налысо подстригись... – ответила Фая.

– А может, он по другой причине ее подозвал, – высказала предположение Настя.

– Как же... – ухмыльнулась Тамара.

В это время в класс вошел учитель географии, девушки замолчали и сели за парты, начался урок. Анисим Иванович Полуянов положил на учительский стол журнал успеваемости и осведомился у дежурного, кто отсутствует.

– Варенкова... – доложил Мохов.

– По какой причине? – поинтересовался учитель.

– Не знаю, – пожал плечами парень.

– Ее Абрам Романович задержал, – пояснила Зинаида.

– Вот как... – нахмурил брови географ.

Отсутствие Варенковой вызвало у преподавателя недовольство – не в первый раз Гольдман снимал детей с уроков для наложения дисциплинарных взысканий. «Эта чем ему не угодила?» – недоумевал мужчина. Начался урок...

Варенкова стояла перед директором, не смея поднять глаза. «Что ему нужно?..» – с замиранием сердца думала девушка.

– Вы хотели мне что-нибудь поручить? – поинтересовалась Роза.

– Все, что могла – ты уже сделала, – хмуро произнес директор. – Снова волосы накрутила – разве так ведут себя прилежные ученицы? Что нам завещал великий Ленин? Он завещал: учиться, учиться и...

– Учиться коммунизму, – смущенно пролепетала Роза.

– Говоришь ты, Варенкова, все правильно, а на деле занимаешься вредительством! Последний раз предупреждаю, если не прекратишь этот разврат – выгоню из школы! Сейчас пойдешь со мной в подсобное помещение и вымоешь голову...

Глаза девушки заволкли слезы, она не смогла сдержаться и расплакалась.

– Я не нарочно, они от природы вьются... – попыталась оправдаться школьница, но Гольдман ее не слушал, он был уверен, что ученица лжет.

Схватив девушку за руку, директор потащил ее в кладовую и там, наклонив голову ученицы над тазом, облил ее волосы водой из ведра. Бледный от злобы, мужчина пытался своими неуклюжими пальцами распрямить мокрые локоны Розы.

– Я тебе покажу, как школу позорить! – грозно приговаривал директор. – Взяла моду волосы крутить! Не хотела иметь прическу, положенную ученице, терпи...

Роза молча терпела боль, понимая, что ее слова ничего не изменят. «Пусть хоть все до одного выдерет», – в душе сокрушалась девушка. Ей так надоели придирки Гольдмана, что она предпочла бы остричься налысо, лишь бы не слышать его незаслуженных упреков. Не сумев распрямить девушке волосы, директор оставил ее в подсобке, наказав привести себя в порядок. Роза отжала руками волосы и стала искать, чем их вытереть... Дверь кладовки открылась, и в помещение с ведром в руке вошла Галина Кудрявцева.

– Что ты здесь делаешь? – удивилась уборщица и посмотрела на залитый водой пол.

Роза взглянула на женщину и расплакалась.

– Чего ты плачешь и почему у тебя мокрые волосы? Ты что – мылась здесь? – поинтересовалась уборщица.

Роза всхлипнула и поведала женщине о своем горе.

– Ну и чего ты расстроилась? – попыталась успокоить ее Кудрявцева. – Подумаешь – волосы вьются, радоваться надо, другие хотели бы иметь такие кудри, да не тут-то было, а на Абрама Романовича не обижайся, он о чести школы беспокоится, видимо, решил, что ты специально волосы накручиваешь...

Роза перестала плакать и взглянула на женщину. От надрывного плача нос и губы девушки распухли, а веснушки на лице стали заметнее, выражение её лица было столь жалким, что у Галины дрогнуло сердце.

– Глупая, разве можно так убиваться? – уборщица поставила ведро на пол и прижала девушку к своей груди. – Не расстраивайся... Нет такого горя, которое человек не смог бы пережить, все образуется...

– Правда? – шмыгнула носом девушка.

– Конечно... – Галина не могла поверить, что эта пышноволосая белокурая красавица, которую в деревне называли Мальвиной, могла навлечь на себя такие неприятности. – Ты, вот что... – произнесла Кудрявцева. – Возьми в тумбочке чистое полотенце и обсуши волосы.

Роза вытерла волосы, причесала их гребнем, лежавшим на подоконнике, и стала заплетать косу.

– Подожди, пусть обсохнут... – посоветовала женщина и подивилась локонам Розы, круто завившимся от воды. – Пошли к директору!

– Зачем? – испугалась девушка.

– Пусть удостоверится, что он ошибался.

- Не пойду, – покачала головой Роза.
- Почему?
- Он считает, что я специально их завиваю.
- Мало ли, что он считает – пусть убедится, что ты говоришь правду.
- Не знаю... – растерялась школьница.
- Пойдем! Надо доказать ему, что он не прав.

Роза собралась с духом и решила поступить, как советовала женщина.

– Ну, с Богом! – решительно произнесла Кудрявцева и, взяв девушку за руку, повела к директору.

Дойдя до кабинета, женщина поправила на голове платок и постучала в дверь. Услышав «Войдите!», Галина заглянула в комнату. Гольдман сидел за письменным столом и что-то сосредоточенно писал. Увидев женщину, он отложил в сторону бумаги и поинтересовался, в чем дело. Кудрявцева ответила, что дело не терпит отлагательства. Глава школы недовольно глянул на уборщицу, опустил в чернильницу перьевую ручку и произнес:

– По важному, говорите? Что ж – входите...

Галина подвела Розу к столу и, поборов волнение, произнесла:

– Абрам Романович, я по поводу Варенковой...

– Слушаю... – директор недружелюбно глянул на Розу.

– Я вас очень уважаю, но в отношении Варенковой вы не правы. Напрасно вы считаете, что девочка накручивает волосы – они у нее такие от рождения, вот, убедитесь...

Гольдман вышел из-за стола и подошел к опальной ученице. Роза уткнулась глазами в пол и не осмеливалась смотреть на мужчину. «Зачем я сюда пришла?» – корила себя девушка. Директор надел очки и с удивлением посмотрел на каскад белокурых завитков, украшавших голову ученицы.

– Н-нда... – озадаченно покачал головой мужчина.

– Видите? Волосы девочки мокрые, а по-прежнему вьются... – заметила Галина. – Если бы она их накручивала, они бы от воды распрямились.

– Действительно... – подивился мужчина. – То есть вы утверждаете, что это не завивка... Если это так, то я должен признать, что это самое удивительное, что я видел на своем веку.

Гольдман протянул руку, взял небольшую прядь волос девушки, потянул ее и отпустил – волосы закрутились в крупные завитки. Особенно много их было вокруг лба и на височной части головы ученицы, где волосы были подстрижены короче.

– М-мда!.. – произнес директор. – Похоже, на самом деле свои, но ведь родственники учеников утверждают, что Варенкова волосы накручивает... Кому верить?

– Это они из зависти... Признайтесь, хоть у одной женщины в округе вы видели такие волосы? – поинтересовалась Галина.

Гольдман молчал.

– Не видели! – ответила женщина. – Так зачем девочку винить в том, чего она не делала?.. – уборщица заметила смятение на лице директора и с чувством исполненного долга вышла из кабинета.

Гольдман чувствовал себя неловко. «Некрасиво вышло», – переживал мужчина. Глава школы сел за письменный стол и пристально посмотрел на ученицу.

– Извините, надеюсь, вы понимаете, что я это не со зла... – произнес директор.

– Да, – кивнула девушка.

– Что – да? Не могли бы вы изъясниться понятнее?

– Вы беспокоились о репутации школы... – пролепетала девушка.

– Ступай и впредь причесывайся аккуратней.

– Хорошо, – кивнула Роза. У неё будто гора с плеч свалилась.

Звон колокольчика оповестил об окончании урока, Варенкова вышла из кабинета директора и увидела, как из классов выбежали ученики и веселой гурьбой высыпали на школьный двор, где затеяли активные игры. «Лапта», «классики», «догонялки», «фантики» были любимыми играми школьников, гасившими их бурную энергию, которую педагоги с трудом сдерживали в течение уроков. Увидев подругу, вышедшую из кабинета директора, одноклассницы обступили ее и забросали вопросами.

– Ты, что, мыла волосы? – удивилась Тамара.

– Угу... – кивнула девушка.

– А зачем ты их мыла? Они же были чистые... – недоумевала Коржакова.

Роза вздохнула и с грустью посмотрела на подругу.

– Директор вылил мне на голову ведро воды, – пояснила Варенкова.

– Абрам Романович? Зачем он это сделал? – опешила Настя.

– Хотел распрямить волосы, думал, что я их накручиваю, – пояснила Роза.

– Ничего себе!.. – опешила Фаина. – Так он любую из нас может головой в ведро окунуть...

– У-у, вражина, – гневно глянув на кабинет директора школы, произнесла Тамара. – Что ты собираешься делать?..

– Ничего, – уныло произнесла Роза.

– Это ты зря, – покачала головой Коржакова.

– Брось, Томка, – махнула рукой Анастасия, – самое лучшее – забыть о том, что произошло. Нельзя злить Гольдмана – он обязательно отыграется, знаете, какой он мстительный... Нам еще выпускные экзамены сдавать...

– Пойдемте на улицу, – предложила Зинаида, подруги не стали терять времени и вышли во двор школы.

Фаина оглянулась, увидела у раскрытого окна директора и предложила одноклассницам прогуляться.

Мужчина проводил старшекласниц взглядом и стал наблюдать за игрой школьной детворы. «Кто из них мог испачкать чернилами перила крыльца?» – размышлял Гольдман. Взгляд директора остановился на группе старшекласников, игравших в «лапту», мужчина отошел от окна и направился к двери. Выйдя на улицу, он подошел к футбольному полю и окликнул Юрия Стригунова, однако парень был так увлечен игрой, что не слышал зова главы школы.

– Юрка, тебя Абрам Романович зовет! – крикнул другу Виктор.

Стригунок оглянулся и окинул взглядом школьный двор. В этот момент мяч, брошенный противоборствующей командой игроков, пролетел над головой парня и упал в заросли шиповника, росшего вдоль забора школы.

– Мазила... – упрекнул одноклассника Мохов.

Юрка нашел мяч и бросил его Виктору.

– Стригунов, Седельский, Рыжаков! Зайдите ко мне в кабинет, – строго произнес Гольдман.

Юрка взволнованно глянул на друзей: «Что ему надо?» – растерялся парень.

– Доиграть не дал... – недовольно буркнул Виктор.

Раздался звон колокольчика, оповестив об окончании перемены, школьный двор опустел, и только стая растревоженных голубей летала над опустевшим футбольным полем, где еще недавно играли ученики.

ГЛАВА 5

СТАРШЕКЛАССНИКИ ВОШЛИ в школу и отправились к директору, настроение у ребят было скверное.

– Как я появлюсь у него в таком виде? – переживал Колька. – Начнет расспрашивать, откуда у меня на лице царапины... Что я скажу? Может быть, баба Дуня наябедничала?..

– Откуда ей знать, что это были мы? – успокоил друга Виктор.

– А если все же узнала?

– Не мели ерунды, темно было.

Ребята подошли к кабинету директора и постучали в дверь.

Услышав «Войдите!», Стригунок открыл дверь и шагнул через порог. Колька и Виктор последовали за другом.

– Абрам Романович, звали? – переминаясь с ноги на ногу, поинтересовался Юрка.

– Проходите, хотел поговорить с вами по поводу важного дела...

Ребята переглянулись.

– Присаживайтесь... – Гольдман указал рукой на лавку у окна, его угрюмое выражение лица наводило парней на мысль, что разговор будет неприятным.

Директор заложил руки за спину и прошелся по кабинету.

– В последнее время в нашей школе участились случаи вредительства, – произнес мужчина, – в прошлую пятницу стул учителя в вашем классе был намазан клеем, перед этим кто-то испачкал чернилами перила входной лестницы, в результате чего нанесен ущерб школьному имуществу и личным вещам педагогов, обслуживающего персонала школы и учеников.

Гольдман пристально посмотрел на парней.

– Вы думаете, что это сделал кто-то из нас? – поинтересовался Виктор.

– Да.

– Почему вы так решили? – спросил Седельский.

– Например, ваше лицо... Откуда эти царапины?..

– Это меня домашний кот поцарапал. Я его за хвост дернул – вот он и вцепился когтями... – слукавил Колька.

– Значит, говорите, кот... Вполне может быть, а что относительно школьных происшествий? Вы готовы сказать правду или на чистосердечное признание духа не хватает?

– А что мы можем сказать?.. – развел руками Юрка.

– То есть вы хотите сказать, что вам об этом ничего не известно...

– Абсолютно верно, – кивнул Стригунок.

– Именно это я и предполагал услышать... – резюмировал Гольдман. – Рыжаков, вы тоже придерживаетесь такой точки зрения? – поинтересовался директор.

– Да, – кивнул парень, – я сам пострадал, вот, смотрите... – Виктор встал и продемонстрировал главе школы чернильные пятна на бортах своего пиджака.

– В таком случае будем считать, что наш разговор закончен, – сурово произнес Гольдман, – а так как личность вредителя установить не удалось, то мальчишки школы будут заниматься военной подготовкой до тех пор, пока кто-либо не сознается в содеянном. Сейчас вы пройдете по классам и объявите о моем решении. Жду всех во дворе школы...

Юноши переглянулись. Зная зловредный нрав главы школы, ребята понимали, что в случае неповиновения его приказу последствия могут быть самыми серьезными. До конца урока оставалось мало времени, поэтому старшекласники, распределив между собой, кто в какой класс пойдет, отправились выполнять поручение директора.

ГЛАВА 6

НАСТРОЕНИЕ У ГОЛЬДМАНА было скверное, он злился на парней за их несговорчивость. Директор вышел на крыльцо школы и осмотрелся по сторонам, его взгляд остановился на цветах настурции и ноготков, росших у стены здания. Красота цветов и веселый щебет птиц, радующихся погожему дню, немного успокоили его. Гольдман подумал о том, что советское правительство и лично товарищ Сталин не должны пожалеть, что доверили ему воспитание подрастающего поколения. Он считал своим долгом сделать все от него зависящее, чтобы организовать работу школы как можно лучше и подготовить молодежь села для вступления в самостоятельную жизнь. Будучи членом партии, глава школы сознавал, что молодой, набирающей темпы развития стране нужны образованные, культурные, преданные идеям революции люди, и путем к достижению этой цели он считал воспитание сознательной дисциплины у подрастающего поколения.

– Товарищ Сталин прав, говоря о том, что в каждой мысли, в каждом движении, в каждом дыхании жизни должен проявляться гражданин нового мира. Страна с каждым годом ощущает все большую потребность в квалифицированных кадрах: мастерах, бригадирах, трактористах, бухгалтерах, командирах, летчиках, ученых... Долг педагогов – подготовить их, – вслух произнес мужчина, – и если для этого потребуются все силы моей души – я обязан выполнить это.

Гольдман вздохнул и занес руку над поручнем лестницы, но, вспомнив, что он может быть испачкан чернилами, спешно отдернул руку и спустился с крыльца. В этот момент из здания школы вышли учитель физики Георгий Константинович Рогозин, учительница младших классов Светлана Владимировна Гаршина и учитель географии Анисим Иванович Полуянов. По выражению лиц педагогов можно было догадаться, что они не согласны с решением главы школы.

– Абрам Романович! – обратился к директору Рогозин. – Когда школьную дисциплину укрепляют в ущерб основным предметам – это не хорошо. Неужели нельзя найти другое время?

Гольдман пропустил упрек мужчины мимо ушей. «Надо же – вздумал меня учить...» – в душе возмутился мужчина. Дав учителю физики высказаться, директор хладнокровно произнес:

– Георгий Константинович! Я уважаю вас, как педагога, умеющего найти подход к самым трудным ученикам. Я вижу, сколько сил и времени вы тратите на то, чтобы привить детям любовь к своему предмету, и никогда не вмешивался в методику вашего преподавания. Каждому из нас партия доверила конкретный участок работы, и каждый несет ответственность за то, как он эту работу выполняет. Я, как директор школы, отвечаю за организацию учебного процесса, потому предоставьте мне право решать, что и как делать.

– Да, но... – попытался возразить Полуянов.

В этот момент на крыльцо школы вышли ученики, географ замолчал и глянул на Гаршину. Для учителей урок был не закончен – в классах их дожидались девочки, с любопытством наблюдавшие через окна за тем, что происходит во дворе.

Гольдман заложил руки за спину и не спеша прошелся вдоль стены школы. Ученицы испугались и заняли места за партами.

– То-то... – то ли самому себе, то ли кому-то еще вслух произнес мужчина и подошел к выстроившимся в шеренгу мальчикам.

«Что он задумал?... – недоумевал Седельский. – Неужели все директора такие вредные?» Парень смотрел на перекосившееся от злобы лицо Гольдмана и не мог взять в толк, как ему могло придти в голову стать учителем. «Похоже, он даже себя не любит»... – отметил Колька. Директор дождался, когда ученики утихомирились, и произнес:

– Я собрал вас для того, чтобы поговорить о дисциплине... В последнее время участились случаи порчи школьного имущества – это откровенное вредительство. Партия и товарищ Сталин делают все возможное, чтобы дети нашей страны получили бесплатное образование. И что?.. Как вы благодарите за возможность стать образованнее и интеллигентнее?.. Вредительством!

В строю послышался ропот, директор поднял правую руку, и воцарилась тишина.

– Мне неприятно об этом говорить, – продолжил мужчина, – но среди учеников нашей школы есть некто, кто своим недостойным поведением порочит имя советского школьника, – Гольдман многозначительно посмотрел на Стригунова и его друзей. – Мне хотелось бы, чтобы их имена были названы.

– Простите, Абрам Романович, – произнес Константин Николайчук, – в чем дело?..

– В том, милейший, что на протяжении нескольких дней перила лестницы, ручки входной двери и классов школы кто-то умышленно вымазывает чернилами, в результате чего ученики, педагоги и обслуживающий персонал пачкают себе руки, оставляя следы чернил на одежде, школьном инвентаре, стенах коридора, партах, учебниках и тетрадях. Сегодня мною была предпринята попытка узнать имя злоумышленника или группы таковых, но она ни к чему не привела. Думаю, что усиленный курс военной подготовки, которым вы сейчас займетесь, освежит вам память. Заниматься вы будете до тех пор, пока имя хулигана не будет названо. Ученики с первого по третий классы сейчас вернутся на уроки. Если вам будет что сказать, прошу сообщить об этом мне или кому-либо из педагогов. Ученики с четвертого по седьмой классы: нале-во! К полосе препятствий шагом марш!..

После прозвучавшей команды мальчики младших классов вернулись на урок. Нехотя поднимаясь по лестнице крыльца, они с горечью смотрели на старшекласников, дружно маршировавших по футбольному полю. Колонну учеников завершал директор школы. Полуденная жара была в самом разгаре. Нагретый осенним солнцем воздух дрожал над раскаленным песком школьного двора. Клубы пыли вздымались вверх от синхронного марша пяти десятков мальчишеских ног.

–левой, левой, раз, два, три!.. – командовал директор.

Когда мальчишки дошли до полосы препятствий, Гольдман дал команду остановиться.

– К полосе препятствий, бе-гом! – скомандовал мужчина.

Послышался топот ударявших по земле ног и новая команда директора:

– Лечь на землю, сделать по тридцать отжиманий от земли!

Девочки, прильнув к окнам классов, с замиранием сердца наблюдали за происходящим во дворе.

– Бедные мальчишки! Они же испачкаются... – переживала Фая.

– Мучитель! – гневно произнесла Зинаида. – Томка, стань на стреме!

Коржакова отбежала от окна, открыла дверь класса и выглянула в коридор...

ГЛАВА 7

ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ Рогозин, потрясенный самоуправством Гольдмана, в подавленном настроении вошел в школу и поспешил на урок. Коржакова увидела учителя, предупредила одноклассниц и села за парту. Ученицы расселись по местам и едва успели закрыть крышки парт, как в комнату вошел физик, вид у преподавателя был уставший. Приветствуя учителя, девушки дружно встали...

– Садитесь! – сказал мужчина.

Рогозин снял с переносицы очки, положил их в нагрудный карман пиджака и произнес:

– Сегодня мы должны были начать новую тему, но так как часть учеников отсутствует, повторим пройденный материал. Итак, вы выяснили, чем занимается физика, на какие вопросы она дает ответы, узнали, почему эта наука так важна и как она влияет на развитие человечества. Из пройденного материала вам стало известно, что физика основана на количественных представлениях и потому естественным языком для нее служит... – Рогозин посмотрел на девочек.

– Математика, – подняв руку, произнесла Зинаида.

– Абсолютно верно! Вы также выяснили, что физика старается познать элементарные системы и что новые открытия в этой области расширяют знания человека об основных природных процессах, что играет важную роль в развитии других наук. Несмотря на то, что физика – серьезная наука, истории известны случаи, когда открытия в данной области были сделаны чисто случайно. Так, например, когда Галилей стал изучать планеты с помощью изобретенного им телескопа, он заметил, что вокруг Юпитера вращаются четыре спутника. Можно назвать это простой удачей, но это не означает, что познать суть вещей, происходящих в природе, так просто. В основном в процессе исследований физик встречается с различного рода проблемами, которые необходимо решить прежде, чем можно будет сделать следующий шаг. Так, Иоганн Кеплер проделал огромную работу, анализируя результаты наблюдений различных положений планет, и на основании этих данных описал движение планет, установив, что планетарные космические тела движутся вокруг Солнца по эллиптическим орбитам. А сделанные Кеплером вычисления обосновали систему Коперника и даже усовершенствовали ее, показав, что орбиты планет представляют собой эллипс. На этих примерах я хотел вам показать, что физика является не пассивной наукой и что физик – всегда экспериментатор, первопроходец, а ключом к его научному познанию являются скрупулезные наблюдения, эксперименты и выводы из них, – учитель пристально посмотрел на Коржакову. – Ну-с, уважаемая, что вы из услышанного поняли?..

– Я? – растерялась Тамара.

– Да, вы...

– Все поняла...

– Прекрасно, хотелось бы услышать, что именно...

– Что физика помогает нам понять происходящее в природе, – встав из-за парты, ответила девушка.

– А если конкретнее...

– Что если бы в прошлом не было сделано столько открытий – нам сегодня труднее жилось...

– Верно, но хотелось бы услышать более полный ответ.

В этот момент за партой у окна кто-то громко всхлипнул. Рогозин повернул голову и увидел Зинаиду Голованову, утирающую рукавом платья слезы.

– Что тебя так расстроило? – поинтересовался физик.

Зинаида взглянула на учителя и заплакала. Фаина Рудакова попыталась успокоить подругу, но ей это не удалось. Рогозин растерялся...

– Садитесь, Коржакова, – произнес мужчина. – Мне хотелось бы знать, Зинаида, что в моем рассказе вас расстроило?

– Вы здесь ни при чём, – всхлипнула Голованова.

– Тогда почему вы плачете? – Рогозин подошел к девушке, достал из кармана пиджака носовой платок и протянул Зинаиде.

«Ох, уж эти женщины, – подумал мужчина, – чуть что – сразу в слезы! Вот, чего, спрашивается, плачет?» Рогозин посмотрел в окно, и ему стало все ясно...

– Мальчишек жалко... – всхлипнула девушка. – Они сначала от земли отжимались, потом на перекладине подтягивались, затем лазали по шестам, крутились на кольцах, а теперь полосу препятствий по-пластунски преодолевают. На улице жара невыносимая, у них головы непокрытые, не ровен час, кого-нибудь солнечный удар хватит...

– Не надо сгущать красок, – попытался успокоить девушку учитель. – Ребята наши крепкие, с поставленной задачей справятся...

Рогозин подошел к раскрытому окну и услышал, как Гольдман громко скомандовал: «Быстрее, ниже головы!..» На душе у физика стало тревожно. «Что, если на самом деле кому-нибудь станет плохо? Надо прекратить это безобразие...»

– Кх, кх... – нервно закашлялся Рогозин. – Вот что... Прочтите следующую тему, а мне надо ненадолго отлучиться...

Учитель вышел из класса и поспешил на выручку ученикам. Едва он достиг полосы препятствий, как услышал гневный окрик Гольдмана:

– Чего разлегся? Поднимайся!

Уставшие от муштры старшеклассники едва держались на ногах. Понукаемые Гольдманом, парни торопили друг друга, стремясь скорее преодолеть полосу препятствий. Одежда учеников была помята и испачкана, на руках виднелись ссадины, являвшиеся следствием подъемов и спусков по плохо отшлифованным вертикальным деревянным шестам. Представшая перед глазами учителя картина потрясла его до глубины души. «Он же их покалечит»... – разволновался мужчина. Увидев Стригунова, бездыханно лежащего на земле под горизонтальными брусками полосы препятствий, Георгий Константинович бросился к парню.

– Юра! Ты живой? – взволнованно спросил учитель.

Рыжаков, ползший по полосе препятствий вслед за другом, понял, что с парнем что-то неладно, запаниковал и попытался встать, но ударился спиной о горизонтальную перекладину препятствия и рухнул на землю.

– Георгий Константинович! С Юркой что-то... – подняв голову, крикнул парень и выполз из-под ограждения.

Стоявшие в стороне мальчишки бросились на помощь преподавателю и общими усилиями вытащили Стригунка из-под горизонтальных перекладин. Рогозин взял парня на руки и отнес в тень, уложив его на траву, снял свой пиджак, скрутил его валиком и положил ученику под голову.

– Воды – быстро! – распорядился наставник.

– Понял... – кивнул Константин Николайчук и побежал в школу.

Рогозин, негодуя, глянул на директора, склонился над Стригунком и приложил пальцы своей руки к месту расположения артерий на шее парня. Почувствовав слабую пульсацию, мужчина с облегчением вздохнул: «Жив!»

– Вот, возьмите... – услышал он позади себя голос Головановой.

Учитель обернулся и увидел Зинаиду – девушка держала в руке графин с водой и с сочувствием смотрела на одноклассника.

– Нужно смочить ему лицо и грудь водой, – посоветовала девушка.

– Верно, – согласился Рогозин.

Зинаида смочила водой носовой платок, протерла грудь и шею Юрия, положила влажный платок на лоб однокласснику, села рядом и стала энергично растирать ему кисти рук. Константин Николайчук разыскал в школе завуча, рассказал женщине о случившемся и попросил аптечку.

– Ступай, я сама принесу... – ответила Гурьева, взяла из шкафа коробку с медикаментами и поспешила на помощь ученику.

«Только бы не умер...» – переживала женщина. Сердце ее учащенно билось, голову сдавило, словно железным обручем, а в ногах появилась такая слабость, что она едва добежала до полосы препятствий.

– Кому плохо? – отдышавшись после быстрой ходьбы, взволнованно спросила завуч и вдруг, закатив глаза, упала на траву, выронив из рук принесенную аптечку.

– Здравс-с... те! – растерялся Седельский. – Юрка без сознания, и она туда же...

Рогозин подбежал к женщине, приподнял ей голову и поинтересовался, как она.

– Ребята, дайте аптечку... – попросил мужчина.

Колька плеснул на руку воду и брызнул в лицо завучу. Его действие возымело успех – женщина открыла глаза и, посмотрев мутными глазами на присутствующих, простонала: «Умираю...»

– Этого еще не хватало! – раздраженно произнес директор. – Где аптечка?

– Вот... – протянул коробку Рогозин.

Гольдман растолкал толпившихся возле завуча учеников и стал рыться в аптечке.

– Безобразие... Ничего не подписано, – злился мужчина. – Что это за пузырек? – директор вынул из емкости пробку и понюхал содержимое. – Фу, гадость... Может, это? – мужчина вынул из коробки конверт с цифрой «№1».

«Наверное, это средство первой помощи, – решил глава школы, – оно мне и нужно...» Мужчина открыл конверт и сыпнул часть содержимого в кружку, протянутую Седельским.

– Налейте воды, размешайте и дайте выпить завучу! – распорядился директор.

– А сколько воды лить? – уточнил Рыжик.

– Плесните на глаз, – ответил Гольдман.

Отойдя в сторону, он достал носовой платок и промокнул выступивший на лбу пот.

– Ну, и жара – хоть раздевайся... – раздраженно произнес мужчина.

Дмитрий Мохов заметил, что веки Стригунка дернулись, и радостно провозгласил:

– Юрка ожил!

Рогозин и Зинаида склонились над Стригунком.

– Воды... – облизнув пересохшие губы, простонал парень.

Костик Николайчук плеснул в кружку воды и протянул Головановой. Девушка приподняла голову пострадавшего и напоила его, тот пришел в себя и в изумлении посмотрел на одноклассников.

– Что случилось, почему я лежу? – поинтересовался парень.

– Ты потерял сознание, – пояснила девушка.

– Правда? – удивился Юрка.

– Еще бы, распластался под полосой препятствий и ни гу-гу, мы уж думали – ты помер... – произнес Мохов.

– Не говори ерунды! – прищипнула на него Зинаида.

– Пить очень хочется, – произнес Стригунок.

– Один момент... – засуетился Рыжик.

Рогозин увидел, что парню стало лучше, успокоился и переключил внимание на завуча. Намочив в холодной воде полотенце, принесенное Николайчуком, мужчина приложил его ко

лбу учительницы. Гурьева вздрогнула и открыла глаза. Зинаида оставила одноклассника, подошла к завучу и, приподняв голову женщины, напоила водой.

– Как вы, голубушка? – поинтересовался Rogozin. – Напугали вы нас...

Женщина внезапно вскрикнула и схватилась руками за живот.

– Ой, о-ей!.. – запричитала Гурьева.

– Что это с ней? – удивился Moхов. – Только что не подавала признаков жизни, а теперь очнулась и кричит...

– Слышишь, как голосит – значит, плохо ей, – ответил Рыжик.

В этот момент в глубине чрева завуча послышалось громкое урчание, женщина скорчилась от боли и застонала.

– Неспроста это, – заметил Седельский. – Такая канонада – это не шутки...

Гурьева, словно выброшенная на сушу рыба, глотала ртом горячий воздух, с трудом терпя колики в животе.

– Мама дорогая, что это? – стонала женщина, лицо завуча побледнело, кожа на губах пересохла, а на лбу выступила испарина.

Константин Николайчук протянул учительнице руку и попытался ее поднять, но очередной приступ боли вынудил женщину упасть на колени.

– Отойди, я сам... – отстранил ученика Rogozin.

Учитель взял женщину под мышки и потянул вверх.

– Оставьте, дайте мне умереть, – сквозь слезы произнесла женщина, решив, что пришел смертный час.

– Что вы, голубушка, вам рано об этом думать, – успокоил ее физик.

В этот момент из школы выбежал Полуянов и пришел коллеге на помощь. Поддерживая Гурьеву под локти, мужчины подняли её и хотели проводить к школе, но, как только завуч оказалась в вертикальном положении, она оттолкнула учителей и со всех ног побежала к школьному туалету.

– Вот тебе и на! – растерялся Полуянов. – Похоже, она в нашей помощи больше не нуждается...

– Вы правы, – кивнул Rogozin.

– К счастью, она жива и очень даже подвижна, – заметил Полуянов, вспомнив, какую необычайную резвость выказала Гурьева, удаляясь в сторону приземистого строения с обозначениями «М» и «Ж». – А теперь, уважаемый Георгий Константинович, введите меня в курс дела... – попросил географ.

– Да, конечно, – приходя в себя, ответил Rogozin.

Мужчины сели на скамейку и стали обсуждать произошедшее.

– Думаю, следует поговорить с Гольдманом, – взволнованно произнес Полуянов, – дальше так продолжаться не может... Муштра до добра не доведет, хорошо еще, все обошлось обмороком, а могло быть и хуже...

– Разговором мы ничего не добьемся, – ответил физик. – Директор прекрасно понимает, что педагогический коллектив против подобных методов...

– Можно обратиться в райком партии, правда, не хочется выносить сор из избы, ведь мы здесь как одна семья... К тому же Абрам Романович – неплохой организатор, не хочется выставлять его в дурном свете...

– Вы правы, не хочется обидеть человека. Как хозяйственник Гольдман действительно неплох, а вот как педагог – явно перегибает палку.

– Н-да, незадача... – покачал головой Полуянов.

– Надо повременить, если ничего не изменится, будем обращаться в вышестоящие органы, – Rogozin глянул на часы и заторопился. – Пора возвращаться в школу, у меня сегодня еще урок. Вы как – со мной или еще посидите?..

– Я уже отдохнул, – ответил Полуянов и последовал за коллегой.

ГЛАВА 8

ЗАКОНЧИВ УРОК в младших классах, Светлана Владимировна Гаршина вышла во двор школы и увидела, как двое ее коллег ведут завуча в школу. Учительница с удивлением наблюдала, как, вырвавшись из рук своих благодетелей, Гурьева побежала к зарослям орешника, скрывавших под своей сенью дощатое строение с буквами «М» и «Ж» на дверях. Смекнув, что произошло нечто неординарное, Светлана Владимировна поспешила на помощь завучу.

– Что случилось?.. – поинтересовалась женщина.

– Не знаю... – в полном отчаянье простонала завуч.

– Может, вы съели что-нибудь?

– Вроде, нет...

– А как вас привели в сознание? – поинтересовалась учительница.

– Дали выпить лекарство из школьной аптечки, я выпила и через некоторое время ощутила резь в животе, вот теперь сижу здесь...

– Потерпите немного, я постараюсь вам помочь... – заверила Гаршина и поспешила в учительскую.

Войдя в комнату, она увидела уборщицу, вытиравшую пыль на подоконнике.

– Добрый день, Светлана Владимировна! – поздоровалась Кудрявцева.

– День добрый, Галина! Кажется, мы уже сегодня виделись...

– Да.

Учительница скользнула глазами по комнате.

– Вы, случайно, не видели школьную аптечку? – поинтересовалась женщина.

– Она в кабинете директора... А вы вообще в курсе, что произошло?

– Не совсем... – ответила учительница.

– Юрий Стригунов и Клара Ефимовна чуть не умерли: потеряли сознание и улеглись один около одного. Если б не Георгий Константинович и не директор – неизвестно, чем дело закончилось бы, а так – дали завучу лекарство, и она тут же очнулась, правда, при этом странно как-то себя повела...

– А какое лекарство ей дали? – заинтересовалась Гаршина.

– Абрам Романович дал выпить ей средство первой помощи.

– Значит, говорите, аптечка у директора...

– Да, – кивнула уборщица.

Светлана Владимировна поблагодарила женщину за информацию и вышла из кабинета. Кудрявцева проводила учительницу недоуменным взглядом и недовольно буркнула:

– Аптечка ей, видите ли, понадобилась, а зачем – не говорит... – женщина подошла к географическому глобусу, повертела его и, увидев на шаре свежие чернильные пятна, в сердцах произнесла: – Всю Землю, паразиты, загадили! Вот, что здесь было написано?..

Кудрявцева наклонилась и по отдельным буквам, которые не были залиты чернилами, прочла надпись на одном из материков: «А... р... ка». «Что это значит?..» – задумалась женщина. Она еще раз прокрутила глобус и пришла к выводу, что, скорее всего, там было написано «Африка». «Ну, конечно же, а теперь здесь клякса...» – Галина смочила в ведре тряпку и попыталась смыть чернила. «Загадили Землю, а убрать – некому... – покачала головой женщина. – Руки надо мыть, а потом за земной шар хвататься!»

Выбежав из учительской, Гаршина отправилась в кабинет директора. Постучав в дверь, она выждала некоторое время и заглянула в комнату – Гольдмана на месте не было. «Замечательно, – обрадовалась женщина, – не надо будет объяснять, зачем мне понадобилась школьная аптечка». Учительница вошла в кабинет и осмотрелась по сторонам – на подоконнике, рядом

с горшком герани стояла деревянная коробка с красным крестом на крышке. «Вот она!» – обрадовалась женщина. Выложив содержимое аптечки на стол, Гаршина нашла на дне коробки список медикаментов и внимательно его прочла, среди прочих лекарств под номером «1» значилось сильное слабительное. «Ах, вот в чем дело... – смекнула учительница. – Завучу дали выпить не то лекарство». Поставив аптечку на место, она вышла из кабинета и поспешила к знахарке. «Федосья обязательно поможет...» – подумала женщина и поспешила к Головановым. Солнце нещадно палило землю, дорожный песок, словно прожаренная на сковороде мука, обжигал ноги и набивался в туфли. Светлана остановилась, высыпала песок из обуви и продолжила путь. Сельчане провожали учительницу удивленными взглядами, недоумевая, куда так торопится женщина. Добежав до правления колхоза, Светлана Владимировна отдышалась, кивнула выглянувшему из окна счетоводу и побежала дальше.

– Куда это она так спешит?... – заинтересовался Бортников.

– Видно, что-то серьезное... – глядя женщине вслед, произнес Дубов.

ГЛАВА 9

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОЛХОЗА отложил в сторону отчет, предоставленный ему счетоводом, и недовольно глянул на мужчину: «Вот, ты, Епифан, человек грамотный, а с документами обращаться не умеешь. Как можно так писать? Не буквы, а каракули, какие-то...» – глава колхоза бросил бумаги на стол.

– Нормально написано... – буркнул Бортников.

– Душа болит, когда я вижу такие цифры, ты уверен, что это окончательный результат? – Дубов ткнул карандашом в итоговую цифру отчета, отчего на бумаге в этом месте образовалась дырка.

– Конечно.

– Может, мы чего не досчитались? Где агроном? Договаривались же, что сегодня все подытожим...

– Обещал быть...

– Вот всегда так: Ванька есть – Маньки нет, Манька есть – Ваньки нет... Ладно – пошли! Надо еще раз все проверить.

– Перт Иванович, сколько можно?... – возмутился счетовод.

– Не ворчи, сходи на конюшню, вели запрячь Буяна и каракули свои не забудь...

Епифан сунул в карман отчет и, стуча кирзовыми сапогами по деревянному полу, направился к выходу. «Надо зайти домой, – подумал мужчина, – предупредить, чтоб к ужину не ждали, пока все проверим – будет за полночь. Устал я, так устал, что сказать не могу. Удивляюсь деду Антосю – мужику за восемьдесят, а трудится, словно двужильный... Странная штука жизнь: одного не заставить работать, а другой и на смертном одре жалеет, что не все успел сделать». Епифан дошел до дома, открыл калитку и вошел во двор. У курятника, опираясь на суковатую палку, стояла старуха-мать. Голова женщины была покрыта цветастым платком, в левой руке она держала ведро с зерном, а правой насыпала корм в деревянное корыто. Бортников подошел к женщине и недовольно произнес:

– Вам, я смотрю, все не сидится... Неужто больше некому кур покормить? Посидели бы, отдохнули...

– Я только и делаю, что отдыхаю, – ответила женщина. – Ты, случаем, не заболел?

– Нет, а что?

– Непривычно видеть тебя дома в это время...

– Я на минутку – сказать, чтоб к ужину не ждали.

– Старая песня, – ухмыльнулась старуха, – не жалеешь ты себя, сынок. О себе не думаешь, так хоть о семье побеспокоился бы – днями ведь тебя не видим.

– Что поделать – работа такая... – вздохнул мужчина.

– Знаю я твою работу – все казенное добро считаешь, а коль такой грамотный, то и мои годки сосчитал бы – помру, а ты и знать не будешь...

– Что вы, мама! Рано вам об этом думать... Внуков надо на ноги поставить, дожидаться, чтоб семьями обзавелись, правнуков вам родили...

– Знаю, что мне недолго осталось, – махнула рукой старуха, – цыганка нагадала, а еще сказала, что для всех грядут лихие времена, и что умру я не на твоих руках, чужие люди глаза мне закроют...

– Нашли, кого слушать, – недовольно произнес Епифан.

– Цыганку слушать, может, и не следует, а вот священнику нашему не доверять не могу, он еще в семнадцатом говорил, что отступление от веры до добра не доведет...

– Не перестаю, мама, вам удивляться... – покачал головой Епифан, – то цыганка что-то наплела, то священник религиозной чепухой голову задурил – плюньте! Чему нас партия

учит? Что религия – есть опиум для народа, так что не слушайте никого, благодарите рабоче-крестьянскую власть, что ни в чем не нуждаетесь, и вообще, в каком свете вы меня выставляете... – Бортников с укором посмотрел на женщину, он понимал, что ей трудно привыкнуть к веяниям новой жизни.

«Старое дерево скорее сломается, чем согнется, – вспомнил народную мудрость мужчина, – к чему человек с детства приучен, того и придерживается всю жизнь».

– А цыганка не только к нам заходила, – продолжала старуха, – она и у других в деревне была и всех о наступлении суровых времен предостерегала.

Епифан с сочувствием посмотрел на мать и едва не прослезился. «Доверчивая, словно дитя, – подумал мужчина, – до седых волос дожила, а верит всему, что ей скажут».

– Ладно, пойду я, потом поговорим, – ответил мужчина.

– Ступай, разве тебя удержишь... – махнула рукой женщина и, насыпав зерна в корыто, пошла домой.

Епифан проводил женщину взглядом и поспешил выполнять поручение Дубова. «Достанется мне от председателя... – переживал мужчина. – Ждет, что вот-вот вернусь, а я и от дома не отошел». Бортников прибавил шагу и вскоре дошел до конюшни. До 1917 года она принадлежала пану Родкевичу. Хозяин любил лошадей и не жалел средств на их содержание. Старый конюх Иван Черета, неоднократно бывавший с помещиком за границей, вспоминая былые годы, говаривал: «Живут же люди!.. Я такую красоту видел, что вам и не снилось...» Выражение лица старого конюха становилось грустным, на какое-то время он замолкал и погружался в воспоминания. Старик давно мог оставить работу в колхозе, но из-за любви к лошадям ежедневно приходил на конюшню. Лошади чувствовали его любовь и беспрекословно слушались. Вот и теперь взору счетовода предстала умиляющая сердце картина: старик сидел на березовой колоде и поил из ведра долгоногих жеребят. Не обращая внимания на корыто с водой, стоявшее невдалеке, жеребчики, словно малые дети, тыкались носами в морщинистые ладони Череты. Конюх похлопывал их по гладким спинам, гладил по головам и тихо приговаривал:

– Красавцы мои, пейте водичку – она особой силой обладает, напьетесь – глядишь, силенок и прибавится, растите, радуйте старика – уж очень хочется увидеть вас во всей красе – стройными да холеными...

Бортникову не хотелось нарушать идиллию, но в конторе его дожидался председатель, поэтому счетовод подошел к конюху и произнес:

– Добрый день, Иван Митрофанович, все любимцев балуете... Нечего сказать – хороши, по всему видать – добрые кони из них вырастут...

– Здорово, Епифан! – улыбнулся старик. – А ты все никак колхозное добро не сосчитаешь – который раз к нам заходишь, видать, что-то в твоих подсчетах не сходится...

– словно в воду смотрите... – вздохнул счетовод. – Столько дней над отчетом корпел, думал, даже лягушек в пруду сосчитал, а Дубов говорит, что я что-то упустил, прислал сказать, чтоб Буяна запрягли – хочет хозяйство объехать и еще раз сам все проверить.

– Буян с Василием в Заречье, там сегодня запарка... Дубов сам сказал: «Возьми Буяна и приобщи его к делу – нечего ему у конторы стоять». Так что пусть Петр Иванович не сердится – не во что мне запрячь бричку.

– Обрадовал ты меня... – почесал затылок счетовод. – Я рассчитывал в контору в бричке вернуться, но раз все кони в работе, значит, придется пешком все обходить. Ладно, пойду – дел невпроворот.

Бортников пожал старику руку, Черета ойкнул и с улыбкой заметил:

– Силен, ты, Епифан, если б не знал, что в конторе работаешь – никогда б не поверил. Ну и хватка у тебя... Ладонь крепкая, как клешня – тебе не счетоводом быть, а землю пахать надо.

– Прости, Митрофаныч, – смутился Бортников, – не рассчитал...

Елифан спустился с пригорка к дороге, остановился, еще раз глянул на старика и, махнув издали рукой, поспешил в контору.

ГЛАВА 10

ОЗАБОЧЕННАЯ НЕДОМОГАНИЕМ завуча, Гаршина не могла взять в толк, каким образом в школьной аптечке могло оказаться слабительное. Не найдя ответа на волнующий ее вопрос, женщина решила спросить об этом Гурьеву. «Клара Ефимовна укомплектовывала аптечку, поэтому знает, кто и зачем положил туда слабительное...» – рассудила женщина. Передохнув у здания правления колхоза, учительница разулась, взяла туфли в руки и продолжила путь босиком. Дойдя до дома Головановых, Светлана Владимировна задумалась: правильно ли она делает, что обращается за помощью к знахарке? «Абраму Романовичу это не понравится, – подумала женщина, – но что поделать? До города далеко, фельдшера в деревне нет, а Клару Ефимовну надо спасать...» Учительница открыла калитку и вошла во двор – на скамейке, под сенью плакучей ивы сидела Федосья. Волосы женщины были заплетены в косу и уложены улиткой на затылке, плечи покрывал шерстяной платок, на коленях стояла плетеная корзина со свежесобранными травами, а невдалеке паслась ее любимая коза.

– Кормилица, лекарка, вся, как есть, полезная... – нахваливала односельчанам любимицу знахарка, – козье молоко, масло, творог – все полезно, даже шерсть козы лечебным эффектом обладает.

В деревне к опыту старой знахарки относились по-разному: одни считались с ее мнением, другие относились к ней настороженно и с опаской. Голованова принимала это спокойно и никому свой образ жизни не навязывала. С ранней весны до поздней осени она собирала лечебные травы и корни, сушила их, делала порошки и настойки и, чем могла, помогала людям. Федосья разбиралась не только в природных средствах врачевания, но и в людях. Ей никого не надо было представлять. Взглянув на человека, женщина могла рассказать о нем многое. Зная это, Светлана Владимировна разволновалась. Сердце учительницы учащенно забилося, щеки залились румянцем. Гаршина хотела поздороваться с хозяйкой, но вместо приветствия что-то нечленораздельное просипела. Федосья оторвала взгляд от корзины с травами и с удивлением посмотрела на учительницу. Гаршина понимала, что ведет себя странно, но ничего поделать не могла. Женщина предприняла повторную попытку поздороваться с хозяйкой, но и она закончилась полным провалом.

– Здравствуй, дочка! – видя замешательство учительницы, произнесла Голованова. – Ты совсем запыхалась... Случилось что?

– Угу, – с трудом выдавила Светлана.

– Ты ведь не со своей проблемой пришла – о ком-то близком беспокоишься... – пристально посмотрев на женщину, произнесла старуха.

– С завучем нашим плохо, – перебарывая волнение, ответила Гаршина.

Федосья отставила в сторону корзину и на какое-то время углубилась в себя.

– Вредное она что-то выпила, вот и мается, бедолага... – помолчав, произнесла старуха.

– Похоже, что по ошибке ей дали выпить слабительного, – пояснила Гаршина.

– Да, не позавидуешь... – покачала головой старуха, – не волнуйся, все обойдется, сейчас я тебе дам снадобий. Пусть Клара Ефимовна их примет, если через пару часов не станет лучше – просите в колхозе подводу и везите ее в больницу. Тогда уже не моя, а врачебная помощь ей будет нужна. От расстройства кишечника и помереть ведь можно...

– Правда? – ахнула учительница.

– Если вовремя ничего не предпринять – и от простого пореза человека может не стать... – ответила знахарка, после чего встала и пошла в дом.

Оставшись одна, Гаршина окинула взглядом подворье. Двор был чисто выметен, хозяйская утварь – аккуратно сложена под навесом, вдоль плетня плотной стеной росли плодовые деревья, среди которых особо выделялась высокая груша. Дорожка от калитки до крыльца

дома была вымощена досками, а в палисаднике радовали глаз подсолнечник и мальвы. «Трудолюбивые люди...» – мысленно отметила учительница и с интересом стала рассматривать жилище знахарки. Дом Головановых был большой и добротный, в каждой стене было по три окна, над крыльцом на резных деревянных столбах был сделан козырек, украшенный резьбой, а крыша покрыта деревянной черепицей. Входная дверь дома скрипнула, и на крыльцо с корзиной в руках вышла знахарка.

– Собрала я тебе того-сего на скорую руку... – произнесла Федосья. – Это – порошок. Пусть Клара Ефимовна его примет, только предварительно очистит желудок. Как это делается, думаю, вы знаете...

Гаршина кивнула головой.

– Скажи, пусть как можно больше пьет воды с добавлением золы или березового угля, – продолжила знахарка. – Здесь, – Федосья развязала небольшой полотняный мешочек, – сушеные груши, отвар из них обладает хорошим закрепляющим свойством, пусть заваривает и пьет, а коли некогда сделать отвара – пусть хоть горсточку так погрызет, худа не будет. Это, – знахарка развязала следующий тряпичный узелок, – сушеная земляника, истолки ее в порошок и смешай по вкусу с медом – пусть примет несколько раз в течение дня. А это, – старуха протянула учительнице глиняную кружку, прикрытую льняной салфеткой, – настойка дубовых листьев на самогоне, его нужно пить по одной ложке натошак. Может также принять настой полыни или пожевать просто свежую ее траву, думаю, пока хватит, и пока организм не придет в норму – пусть ничего не ест. Поняла?

– Да, – кивнула Светлана.

– Ступай... Знала бы раньше – сделала б отвар из ржаных отрубей или овса, а так пусть лечится тем, что дала.

– Спасибо, Федосья Корниловна, я побегу...

Знахарка проводила гостью до калитки и, глядя ей вслед, произнесла:

– Молодая, а смышленная... Эх, кабы мне в молодые годы была возможность выучиться грамоте, я б обязательно стала доктором...

Федосья подошла к козе, отвязала ее и подвела к лавке.

– Постой здесь, сейчас я тебя подою, – ласково произнесла женщина.

Коза заблеяла, словно понимая, о чем с ней говорят.

– Все-то ты понимаешь... – улыбнулась старуха, – только говорить не научилась...

Женщина погладила любимицу по лбу, над которым грозно возвышались острые, словно ножи, рога, принесла ведро и принялась доить козу.

– Умница, сколько молока принесла... – ласково приговаривала женщина. – Скоро внучка из школы вернется, мы ее свежим молочком напоим. Вырастет – станет агрономом, будет нам из города гостинцы привозить. Ты любишь полакомиться вкусеньким, я знаю...

Войдя во двор школы, Светлана Владимировна встретила Галину Кудрявцевой. Женщина подметала дорожку перед входом в здание и сердито ворчала: «Налузгали семечек, а мне убирай – только и занимаюсь этим с утра до вечера. Надоело – уволюсь, пойду работать в Дом отдыха. Там люди культурные, они себе такого не позволяют...» Увидев учительницу, уборщица оперлась на длинное древко метлы и произнесла:

– Наконец-то! Клара Ефимовна несколько раз о вас спрашивала. Я не знала, что отвечать – вы убежали, ничего не сказав...

– Некогда было... Она все еще там? – Гаршина кивнула в направлении орешника, росшего в конце школьного двора.

– А где ж ей, горемычной, быть?.. Вы, случайно, не к Головановой бегали?

– К ней. Все, что нужно, принесла, – Светлана показала корзину со снадобьями. – Вы, случайно, не знаете, где можно раздобыть березовых углей?

– У меня в бане, а сколько нужно?

– Думаю, что горсти хватит.

– Сейчас принесу, – ответила уборщица и, поставив метлу к забору, побежала домой.

Гаршина проводила женщину взглядом и поспешила на помощь завучу. Учительницу поразила перемена, произошедшая в облике женщины: лицо ее заметно осунулось, щеки впали, а кожа приобрела мертвецки-бледный цвет. Гурьева сидела на табурете под кустом орешника и держала в руках пустую кружку, рядом на березовой колоде стоял чайник с кипятком и ведро с водой, а чуть поодаль на траве сидели старшеклассницы. Увидев учительницу, школьницы обрадовались и побежали ей навстречу. Тамара взяла из рук женщины корзину со снадобьями и стала их рассматривать.

– Сколько здесь всего... – подивилась девушка.

– Как Клара Ефимовна? – поинтересовалась Гаршина.

– Пока ничего утешительного, мы принесли ей кипяченой воды, она промыла желудок, а в остальном – все без изменений, хотели отвести ее домой, но она так ослабла, что еле держится на ногах, – вздохнула Зинаида.

– Бедняжка... – покачала головой учительница.

– Гольдман настаивал, чтоб мы шли домой, но мы не послушались... – призналась Фаина.

– Надо же было за ней кому-то ухаживать, – взволнованно произнесла Настя.

Девушка взяла из рук завуча кружку, налила из чайника кипяченой воды и поднесла к пересохшим губам Гурьевой. Женщина сделала несколько глотков, отстранила руку ученицы, прислонилась спиной к стволу старого орешника и закрыла глаза.

– Бедная Клара Ефимовна, – взволнованно произнесла Роза. – Если б вы видели, как ей было плохо, до сих пор не могу прийти в себя. – Девушка подошла к Тамаре и заглянула в корзину. – Что здесь? – любопытствовала Роза.

– Девчонки, дайте человеку пройти... – одернула подруг Анастасия.

Девушка растолкала подруг, плотным кольцом обступивших учительницу. Гаршина взяла у Коржаковой корзину и подошла к завучу.

– Как вы, голубушка? – поинтересовалась женщина.

Гурьева открыла глаза.

– Это вы, коллега... Как долго вас не было... – еле слышно произнесла завуч.

– Не так долго, как вам показалось, – ответила Гаршина. – Сейчас мы вас вылечим...

– Я уже не чаяла, что дождусь вас, думала – умру...

– Что вы... – перепугалась Гаршина. – Сейчас примете порошок, и сразу станет легче.

– Вы у бабушки моей были? – поинтересовалась Зинаида.

– Да.

– Здорово! – просияла девушка. – Теперь Клара Ефимовна обязательно выздоровеет!

Бабушка знает толк во врачевании...

– Хорошо бы, – вздохнула Гурьева.

В это время послышались шаги, и к зарослям орешника подошла Галина Кудрявцева. В руках женщина держала ложку и тарелку с березовыми углями.

– Вот и я... – отдышавшись, произнесла женщина.

Гаршина всыпала в кружку порошок, который ей дала Федосья, развела кипяченой водой и протянула завучу:

– Выпейте!

Гурьева заглянула в кружку и недоверчиво посмотрела на коллегу.

– Что это? – поинтересовалась женщина.

– Ваше спасение... – ответила учительница.

Завуч выпила, сморщилась и произнесла:

– Фу, горечь какая...

– Ничего, лишь бы помогло, – успокоила ее уборщица.

Гурьева вздохнула, но отметила, что рези в животе стали меньше. «Надо же, – удивилась женщина, – кто бы подумал...» Светлана выждала время, бросила в кружку несколько угольков, растолкла их ложкой, залила кипяченой водой и дала выпить пострадавшей. Завуч подозрительно посмотрела на коллегу и поинтересовалась, что это.

– Березовый уголь. Федосья Корниловна сказала, что он поможет... – ответила учительница.

– Уголь так уголь, – махнула рукой завуч и, пересилив себя, выпила содержимое кружки.

– О... уже и щеки порозовели, – подбодрила женщину Галина.

Спустя время Светлана Владимировна дала принять пострадавшей еще одну порцию угля, после чего поинтересовалась, сможет ли Гурьева дойти до дома.

– Не век же мне здесь сидеть, – вздохнула завуч и, облокотившись на руку учительницы, попробовала встать.

Однако, почувствовав слабость, снова села.

– Нужно позвать мужчин, – предложила Кудрявцева. – Анисим Иванович и Георгий Константиновича сейчас на стрельбище...

– Придется звать их, сами мы Клару Ефимовну до дома не доведем, – ответила Светлана.

– Мужские плечи крепче девичьих, – кивнула завуч.

– Тогда я сбегаю, позову их, – выпалила Кудрявцева и поспешила за помощью.

– Нехорошо, если они меня здесь застанут, – расстроилась Гурьева.

Старшеклассницы подхватили завуча, кто – под руки, кто – за талию, подняли с табурета и поставили на ноги. Продолжая поддерживать женщину, они медленно двинулись к школе. Гурьева с благодарностью смотрела на школьниц и чувствовала, что с каждым шагом слабеет. Наконец в глазах у женщины все помутилось, и она взмолилась:

– Все, больше не могу...

Гаршина спешно подставила ей табурет и поняла, что разумнее будет дождаться мужчин. «Слишком большая разница в весе», – подумала учительница и опустилась на колени рядом с коллегой. Только сейчас Светлана поняла, насколько устала. Учительница взглянула на девочек, увидела, как тяжело они дышат, и приказала старшеклассницам идти домой.

– Что вы! – запротестовали ученицы. – Мы не можем вас оставить. Вдруг понадобится помощь? И вообще – мало ли что может произойти...

– Ступайте, скоро подойдут Рогозин и Полуянов, – попыталась образумить учениц Гаршина.

– Дождемся их – тогда и посмотрим, – ответила Фая.

– Хоть бы они скорей пришли... – закрыв от усталости глаза, прошептала Гурьева. – Простите, что я доставила вам столько хлопот...

– Вовсе нет, – ответила Настя. – Мы давно хотели поговорить с Георгием Константиновичем и попросить у него разрешения участвовать в стрельбищах.

– Вам это надо? – еле слышно прошептала завуч.

– Конечно, мы тоже хотим научиться стрелять, – ответила Роза.

– Как помогать работать в колхозе, так нам можно, а как учиться стрелять, так считают, что нам это ни к чему... – насупилась Фаина.

– Вы правы, – согласилась Гаршина. – Но это будет решаться не сейчас, главное – довести Клару Ефимовну до дома и убедиться, что ее жизни ничего не угрожает.

– Верно, – кивнула Зинаида, – Может, сбегают поторопить их?

– Не надо, одного посыльного мы уже отправили, – ответила Светлана.

ГЛАВА 11

УРОК ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ был любимым предметом мальчишек местной семилетки. С огромным вниманием они слушали учителей, рассказывавших о долге перед Родиной. Для деревенских мальчишек это были не просто слова, каждый ощущал себя защитником Отечества, готовым без раздумий отдать жизнь за свободу родной земли. Каждый юноша, достигнув соответствующего возраста, считал своим долгом сдать нормативы БГТО (Будь Готов к Труду и Обороне), ГТО (Готов к Труду и Обороне), стать членом организации ОСОАВИАХИМ (Общества содействия обороне, авиации и химическому строительству), научиться стрелять, метать гранату и разбираться в азах воинской науки. На уроке, который назывался «Марш», школьники готовились к службе в Красной Армии. Научиться стрелять из мелкокалиберной винтовки и носить на груди значки «Юный Ворошиловский стрелок» или «Ворошиловский стрелок» мечтал каждый школьник.

К месту стрельбищ шли строем. Пионерские галстуки, словно алые языки пламени, трепетали на ветру, придавая маршу школьников особую торжественность. Голосистый запевала старательно выводил строевую песню, парни синхронно ударяли о землю ногами и дружно пели: «На границе тучи ходят хмуры...» Мальчишки чеканили шаг и, не обращая внимания на лай деревенских собак, шли к реке. Они были счастливы, что вырвались из стен школы и хоть какое-то время не будут видеть ненавистного Гольдмана. Невзирая на юный возраст, каждый из них мечтал совершить подвиг и навеки вписать свое имя в историю.

Место стрельбищ представляло собой хорошо выкошенный участок луга, где на расстоянии двадцати пяти и пятидесяти метров от установленной границы на вертикальных деревянных столбах были закреплены дощатые щиты, к которым прикреплялись мишени. Место стрельбы было обозначено барьером, выложенным мешками, наполненными речным песком, над которыми на деревянных столбах был сделан навес, предохранявший учеников и преподавателей от палящих лучей солнца и дождя. Спустившись к реке, мальчишки разделились на две группы: старшеклассники выстроились в шеренгу недалеко от места стрельбы, а ученики средних классов во главе с Полуяновым занялись изучением мелкокалиберной винтовки. Рогозин вызывал из строя старшеклассников, давал им команду занять позицию, ученики производили выстрел по мишени и возвращались в строй. Когда Кудрявцева добежала до реки, до слуха женщины донеслась команда учителя:

– Рыжаков, на позицию!

Виктор вышел из строя, подошел к месту стрельбы, взял в руки винтовку и взглянул на физика.

– Как я вас учил? – напомнил Рогозин. – Ноги раздвинь шире, приклад крепко прижми к плечу, курок нажимай плавно – тогда точность попадания будет выше. Помните, что во время стрельбы из боевого оружия отдача будет во много раз сильнее. Понятно?..

– Так точно! – ответил Рыжаков.

– Заряжай, целься... Огонь!.. – скомандовал Рогозин.

Прозвучал выстрел. Перепуганное воронье, истошно каркая, хаотично заметалось над лугом. Галина вздрогнула и, опасаясь попасть под пули, закричала: «Не стреляйте, свои!»

Учитель обернулся и дал команду прекратить стрельбу.

– Рыжаков, положи винтовку и встань в строй! – распорядился учитель.

– Что случилось? – спросил он у женщины.

Полуянов отошел от группы младших учеником и, дав им указание стоять смирно, подошел к коллеге.

Кудрявцева пришла в себя от испуга и на одном дыхании выпалила:

– Я за помощью... Клару Ефимовну нужно отвести домой. Мы с девчатами пробовали это сделать, но она такая тучная, что ученицы просто выбились из сил...

– Хорошо, сейчас придем, – кивнул физик и дал команду ученикам разойтись. – Николайчук, собери патроны и сложи в коробку. Рыжаков! Сними со щита мишень, подпиши и положи в общую стопку. Стригунов! Забери мишени и отнеси их в учительскую. Седельский! Подбери пустые гильзы, сложи в коробку и неси в школу. Остальные – поправить мешки с песком, после чего можете быть свободны. Результаты стрельбы обсудим завтра.

Рогозин подошел к позиции, взял винтовку и, клацнув затвором, проверил патронник. Убедившись, что он пуст, мужчина вернул затвор в прежнее положение и надел винтовку на плечо.

– Георгий Константинович, можно я понесу винтовку? – попросил Седельский.

– Оружие я тебе доверить не могу, за каждого из вас я отвечаю головой. Пойдешь служить в армию, там наносишься оружия, а пока – это дело старших...

– Георгий Константинович, я аккуратнo... – не отставал Колька. – Вы же только что убедились, что патронник пуст...

– Нет – значит, нет! Если у тебя ко мне больше нет вопросов – будем считать, что разговор закончен.

Рогозин подошел к ученикам, убиравшим на позиции, и, убедившись, что его указания выполнены, подошел к Полуянову – учитель как раз завершал урок...

– Дегтярев! – обратился к худощавому пареньку географ. – С такими успехами ты любому врагу не помеха, чего ты возишься?..

– Здесь что-то заело, – сконфузившись, пролепетал мальчишка, пытаясь втиснуть деталь винтовки в узкое отверстие.

– Каким концом ты вставляешь? – не вытерпев издевательства над оружием, возмутился долговязый парень со светлыми прямыми, словно стебли соломы, волосами. – Анисим Иванович, можно я покажу, как надо?

– Давай, Чернов, а ты, Василий, учись... Как говорил знаменитый русский полководец: «Тяжело в учении – легко в бою!» Кстати, как фамилия этого полководца?

– Кутузов, – покраснев, промямлил Дегтярев.

– То, что Михаил Илларионович – величайший русский полководец – это ты прав, – укладывая в портфель учебные гранаты и тетрадь, выполнявшую функцию журнала успеваемости, ответил Полуянов. – Его передовые взгляды на характер ведения войны и неопенимый боевой опыт подняли русское военное искусство на высочайшую ступень развития, но знаменитую фразу произнес не он.

– Готово, Анисим Иванович! – с молниеносной быстротой собрав винтовку, отрапортовал Трофим. – Можно, я уточню?

– Давай, – кивнул учитель.

– Эти слова принадлежат генералиссимусу русской армии – Александру Васильевичу Суворову.

– Верно... – кивнул Полуянов. – Эта и многие другие фразы, ставшие воинскими девизами и постулатами, принадлежит Александру Васильевичу Суворову, автору военно-теоретических работ «Наука побеждать» и «Полковое учреждение». Именно он разработал и применил в полководческой практике более совершенные формы и способы ведения вооруженной борьбы, которые намного опередили свою эпоху, и воспитал целую плеяду великих русских полководцев и военачальников, среди которых был и вышеупомянутый Михаил Илларионович Кутузов. Кстати, Суворов не проиграл ни одного сражения! Запомни это, Дегтярев.

– Угу... – понуриив голову, пролепетал ученик.

– Не угу, а так точно! Так должен отвечать молодой, готовящийся к ратным подвигам воин, – Полуянов взял винтовку и надел ее себе на правое плечо.

– Анисим Иванович, можно я понесу ваш портфель? – спросил Трофим.

– Неси, – разрешил учитель и, обратившись к мальчишкам, ожидавшим его распоряжения, произнес: – На этом наши занятия закончены. Постарайтесь запомнить все, о чем я вам говорил и если у вас нет вопросов, то тогда – до свидания! А ты, Дегтярев, впредь будь внимательней, если что-то не запомнил или не понял, не стесняйся спрашивать – для того мы с вами здесь и занимаемся. Договорились?..

– Так точно! – хором отрапортовали мальчишки и, схватив школьные сумки, побежали домой.

ГЛАВА 12

ОТРАБОТАВ В КОЛХОЗЕ весь день, Пелагея вернулась домой. Спина и руки ее ныли, ноги от долгого пребывания в стоячем положении отекали. Женщина села на лавку у окна, обняла подбежавшую к ней Светланку и спросила у Павлика, пообедали ли они.

– Неа... – покачал головой мальчик.

– Почему? Я же сказала Насте, что все приготовила.

– Она еще в школе, – пояснил мальчишка.

– До сих пор? – удивилась женщина и посмотрела на часы. – Обычно она в это время уже дома. Ладно, садитесь за стол, покормлю... – женщина вымыла руки, достала из печки котел со щами и поставила на стол.

– Проголодались? – глянув на детей, спросила хозяйка.

– Угу, – кивнул Павлик.

В душе у женщины защемило: «Мать на работе, старшая дочь в школе, а дети целый день голодные...» – расстроилась Пелагея. Женщина налила в тарелки щи, положила сметану и стала кормить детей. Павлик взял отрезанный ломоть хлеба и, гремя о стенки тарелки ложкой, моментально опустошил тарелку.

– Еще что-нибудь будет? – старательно облизав ложку, поинтересовался мальчик.

– Пирожки, начиненные картофельным пюре с жареным луком и салом, – ответила Пелагея и поставила на стол большое блюдо.

Вид у пирожков был столь аппетитный, что Павлик невольно сглотнул слюну.

– Мои любимые!.. – обрадовалась Светланка. – А чье перо в пирожках?

– Не перо, а пюре – отварная, толченая картошка... – поправил сестренку мальчик.

– Мама сказала, что в них перо с салом... – насупилась девочка.

– Слышала звон, да не поняла, откуда он... – ухмыльнулся Павлик.

Мальчишка взял румяный пирожок и, откусив крупный кусок, стал торопливо жевать.

– Запей молоком, не ешь всухомятку, – пододвинув сыну кружку, произнесла Пелагея.

– Я тоже хочу молочка, – глянув на брата, произнесла малышка.

– Чего-чего, а этого добра у нас хватает, – улыбнулась Пелагея и налила дочке молока.

– К нам какая-то тетя в платке идет... – глянув в окно, сообщила малышка.

– Кто это к нам пожаловал? – заинтересовалась хозяйка, не успела она отойти от стола, как в дом вошла цыганка.

– Мир вашему дому! – поздоровалась незнакомка и глянула на стол.

– Что тебе? Говори и уходи... – с опаской поглядывая на нежданную гостью, произнесла Пелагея.

– Я только порог переступила, а ты уж не знаешь, как меня выпроводить... – покачала головой цыганка. – Разве так встречают гостей?

– Говори, зачем пришла... – хозяйка сурово глянула на незнакомку, и вдруг тревога в душе Пелагеи исчезла, она преисполнилась доверия и сострадания к гостье и с улыбкой произнесла: – Проходи, отведай нашего скромного угощения...

Все это время цыганка не сводила с женщины глаз.

– Ну вот, совсем другое дело, – ухмыльнулась гостья и подошла к столу. – Пирог у тебя, красавица, просто заглядение! Я отведаю один, если ты не возражаешь...

– Угощайся, – улыбнулась Пелагея и пододвинула к цыганке тарелку с пирожками, затем взяла глиняную крынку и, налив в кружку молока, протянула женщине.

– Сразу бы так, – ухмыльнулась незнакомка и, не сводя с хозяйки глаз, добавила: – Я возьму парочку пирожков своим деткам...

– Конечно! – кивнула Пелагея.

Цыганка глянула на большой деревянный сундук, стоявший у печки. Хозяйка мутным взглядом скользнула по комнате, подошла к сундуку, открыла его и достала лежавшие в нем вещи. Гостя сняла с плеч цветастый платок, высыпала в него пирожки, бросила в платок вещи, извлеченные из сундука, связала все в узел и направилась к двери.

– Прощай, красавица, благодарю за угощение! – бросила напоследок гостя.

Взгляд незнакомки остановился на хозяйских детях. Цыганка развязала узелок, достала два пирожка и, подозревав Павлика, протянула мальчику.

– Тебе ведь не жалко – правда? – спросила женщина.

– Неа... – покачал головой Павлик.

– Вот и замечательно! Ты, красавица, не горюй – твоя доброта вернётся тебе сторицей, когда я уйду – ни о чем не жалею, живи и приговаривай: «Не быть злу и беде – мое счастье при мне!»

Произнеся эти слова, незнакомка вышла из комнаты, открыла входную дверь и лицом к лицу встретила Анастасию.

– Здравствуйте... – в растерянности произнесла девушка.

– И ты, красавица, будь здорова! – ответила цыганка и, прошмыгнув мимо девушки, направилась к дому Коржаковых.

Анастасия вошла в дом и застала мать в странном состоянии.

– Кого это я сейчас встретила? – поинтересовалась Настя.

– Цыганку, – поникшим голосом произнесла Пелагея.

– А что она у нас делала? – девушка прошла в комнату, поставила на лавку у окна школьную сумку и посмотрела на мать. – Чего вы такие странные?

– Нечего нам, дочка, веселиться... – со слезами на глазах произнесла Пелагея. – Эта bestия только что нас обобрала, я даже не сопротивлялась...

– Ты хочешь сказать, что вот это... – девушка показала на пустой сундук. – Все, что осталось? – Настя села на лавку и в растерянности посмотрела на мать. – Ты не шутишь?

– Какое там? – махнула рукой Пелагея. – Ума не приложу, как ей удалось меня окрутить... Главное, дети ведь были дома, так она и их заморозила, все ей отдала, все, что она хотела...

– Не плачь, мамочка, – обняла женщину Настя.

– Что я скажу Степану? – закрыв лицо ладонями, заголосила Пелагея. – Говорили бабы, что недалеко от деревни остановился табор, и цыгане ходят по дворам, я не придавала значения...

– Что теперь слезы лить? – вздохнула Настя. – Надеюсь, ты мое любимое платье не отдала?

– Нет, я его вчера постирала и повесила сушить на веранду, не то б она и его забрала... Надо же, как она нас загнипотизировала... Меня словно парализовало. Не помню, что говорила, что делала, очнулась, а ее уж и след простыл, иди, ищи ветер в поле... Хорошо, что не все пирожки на стол поставила, иначе б она без ужина нас оставила.

– Она к Коржаковым пошла, – ответила Настя.

– Надо сбегать к бабе Дуне, сказать, чтоб гнала ее со двора, – засуетилась Пелагея. – Ты кушай, я сбегать к соседям, может, посчастливится вернуть наши вещи... – Пелагея вытерла слезы и побежала к Коржаковым.

– Где ты так долго была? – обняв сестру, поинтересовалась Светланка.

– В школе, – ответила Настя.

– Обычно ты раньше возвращалась, – заметил девочка.

– Так вышло, надо было завучу помочь...

– Вечно тебе больше других надо, – огрызнулся Павлик. – Мы со Светкой целый день тебя ждали...

– Не маленькие... Как цыплята?

– Сидят на печке, – ответил мальчик.

– На печке? – переполошилась Настя. – А что они там делают?

– Сушатся.

– Сушатся? – оторопела Настя.

– Они были мокрые, вот мы и поставили их на печку, чтоб просушились... – пояснила малышка.

Настя в растерянности посмотрела на брата.

– Как – мокрые, почему? – разволновалась девушка.

Павлик опустил голову и стал шаркать босой ногой по деревянному полу.

– Он боится... – глянув на брата, заявила Светланка.

– Что вы натворили? – сердито глянув на брата, произнесла Настя.

Мальчишка недовольно глянул на младшую сестру и сквозь зубы процедил:

– Говорил тебе – молчи, сам расскажу...

– Павлик, что с цыплятами? – спросила Настя.

Мальчишка с опаской посмотрел на сестру:

– Они испачкались, вот мы их и вымыли.

– Вымыли? – оторопела Настя.

– Ага, – кивнул Павлик и полез на печку за корзиной с цыплятами.

– Мамочка... – всплеснула руками Настя. – Как вам это в голову пришло?

– Они купались в песочке, пили водичку, испачкались, мы их вымыли, посадили в корзину и поставили на печь, – пояснила Светланка.

Павлик слез с печки и поставил на лавку плетеную корзину, покрытую льняным рушником.

– Вот... – произнес мальчишка.

Анастасия сняла полотенце и с замиранием сердца заглянула внутрь... Ее предположение оправдалось, на дне корзины на подстилке из сена лежали мертвые цыплята. Сердце девушки дрогнуло, глаза заволкли слезы, и она в отчаянье произнесла:

– Нет!

– Чего ты плачешь? – удивилась Светланка. – Они же чистые...

Настя обняла сестренку, прижала ее к своей груди и заплакала. Павлик заглянул в корзину и онемел – двадцать цыплят не подавали признаков жизни.

– А!.. – в отчаянье вскрикнул мальчик и отпрянул от корзины. – Я не хотел...

Мальшка в растерянности посмотрела на брата, затем на сестру и тоже заплакала.

– Унеси их, – прикрыв корзину рушником, сказала Настя.

– Угу... – шмыгнул носом мальчишка и, взяв корзину, вышел из дома.

Светланка проводила брата недоуменным взглядом и, вытерев ладошками мокрые от слез глаза, поинтересовалась:

– А куда Павлик понес цыплят?

Настя не знала, что ответить... Девушка взяла на руки сестренку и подошла к окну. Сердце Насти разрывалось от боли, она не могла взять в толк, как дети могли до такого додуматься. «Они хотели, как лучше... – пыталась оправдать поступок малышкой Настя. – Думали – вымоют цыплят, они обсохнут и будут красивыми». Девушка вспомнила мертвых птенцов, лежавших на дне корзины с раскрытыми клювиками, и заплакала. «Нечего было поручать их досмотр малышам, – мысленно укорила себя Настя. – Как я скажу Светланке, что их больше нет?» Девушка погладила малышку по волосам и, вздохнув, произнесла:

– Цыплята обиделись, что вы их искупали, и убежали.

– А они вернуться? – поинтересовалась малышка.

– Не знаю... – покачала головой Настя.

Входная дверь дома скрипнула, и в комнату вошел Павлик. Мальчик виновато посмотрел на старшую сестру и сел на сундук у печки.

– Отнес? – спросила Настя.

– Угу... – кивнул мальчик. – Что мы скажем родителям?

– Скажем, как есть, – вздохнула Настя.

Светланка насторожилась:

– Что вы хотите им рассказать?

– Ничего... – Настя многозначительно посмотрела на брата. – Шли бы вы играть на улицу, – предложила девушка.

– Ладно, – ответил Павлик. – Мы пойдем кормить кроликов...

– Замечательно, – кивнула Настя.

Светланка подбежала к брату, взяла его за руку и потянула к двери.

– Пойдем, кроликам ужинать пора... – забеспокоилась девочка и выбежала из дома.

Настя проводила детей, налила в тарелку щи и стала ужинать. «Кларе Ефимовне помогла, а цыплят не доглядела», – с грустью подумала девушка. Она вспомнила, как дружно бежали к ней птенцы, едва слышав ее голос, как отбирали друг у друга червяков, которых скармливал им Павлик. «Простите нас... – всхлипнула девушка, соленая слеза скатилась по ее щеке и упала на стол. – Я не могла представить, что такое может случиться...» – с грустью подумала девушка. Веки ее потяжелели, она отставила в сторону тарелку, положила голову на стол и не заметила, как уснула.

– Вот и я... – сквозь сон услышала она голос матери. – Ты ужинала?

– Да, – подняв голову, ответила девушка. – Как ты ходила?

– Впустую... – махнула рукой Пелагея. – Пока добежала до Коржаковых, цыганки и след простыл. Баба Дуня ее даже на порог не пустила, гостья разозлилась и что-то ей по-цыгански сказала... – хозяйка открыла заслонку печи, достала противень с пирожками и поставила на стол. – Какие новости в школе? – поинтересовалась женщина.

Настя съела пару пирожков, выпила кружку молока и рассказала матери о происшествии в школе.

– Да... – покачала головой Пелагея. – Не хотела б я оказаться на месте Клары Ефимовны. Интересно, как она?

– Уже лучше, ты расскажешь отцу о цыганке?..

– Конечно, – Пелагея понимала, что муж не похвалит ее за ротозейство, много раз он предупреждал, чтоб не пускали в дом посторонних людей.

«Поделом мне, – подумала женщина, – в следующий раз умнее буду». Пелагея посмотрела на часы и засуетилась:

– Заговорила я с тобой, а у меня еще вторая смена... Ладно – учи уроки, вечером встреть корову, подои, накорми отца и присмотри за детьми. Кстати, где они?

– Кроликов кормят.

– Да, не забудь покормить цыплят...

Настя потупила взор. Пелагея внимательно посмотрела на дочь и, повязав на голову платок, произнесла:

– Что-то ты не договариваешь...

Настя виновато посмотрела на мать и расплакалась.

– Это еще что? – растерялась Пелагея.

– Цыплят больше не нужно кормить, – всхлипнула Настя.

– Уже покормили? Прекрасно...

– Их больше нет, – сглатывая слезы, произнесла девушка.

«Что она такое говорит?» – подумала женщина.

– Скажи толком, что случилось?

Настя вытерла слезы и виновато посмотрела на мать.

– Павлик со Светланкой их выкупали, посадили в корзину и поставили на горячую печь...

- Батюшки!.. – всплеснула руками Пелагея.
- Не ругай их, мамочка, Павлик и без того расстроен...
- А Светланка?
- Я сказала, что цыплята обиделись на них и убежали.

– Не зря говорят: «Пришла беда – отвори ворота...», – покачала головой Пелагея. – Солнце еще не село, а неприятностей хоть отбавляй. Цыплят жалко, столько наших трудов насмарку пошло... Не расстраивайся, Пеструшка нам еще высидит, а этих похороним, как положено живым существам. Ладно, мне пора... – Пелагея поцеловала дочку и направилась к выходу.

– Детей пораньше спать положи и сама поздно не засиживайся, – наказала дочери женщина и поспешила на работу.

ГЛАВА 13

СТЕПАН УСТИНЕНКО ЗАВЕРШИЛ обход путей, отнес инструмент в подсобку и, дожив начальству, что все в порядке, отправился домой. Миновав железнодорожную станцию, мужчина вышел на дорогу, ведущую в Гущино, снял кирзовые сапоги и, связав голенища, перекинул через плечо. «Совсем другое дело», – ощутив под ногами мягкий песок, приятно обволакивавший ступни, подумал Степан, достал из кармана пиджака папиросу и, чиркнув спичкой, закурил. Сделав несколько затяжек, он посмотрел на ельник, вплотную подступающий к дороге, и увидел вышедшего из леса мужчину. «Кто б это мог быть?» – насторожился Степан, но, заметив на груди старика массивный железный крест, понял, что это бывший священник.

– Добрый вечер, отец Никодим! – подойдя к земляку, поздоровался мужчина.

– Добрый, – улыбнулся старик. – Неужто только что с работы?

– Недавно закончил. Вы чего так поздно? Один в лесу... Не боитесь?

– А чего мне бояться? Со мной Господь Бог и сила Животворящего Креста, – ответил священник.

Степан подивился силе веры старика.

– Вы на самом деле ничего не боитесь? Например, преследований за Веру...

Отец Никодим блаженно улыбнулся, посмотрел на сумеречное небо и, словно увидев там прекрасные райские сады, произнес:

– Я молю Бога, чтоб сподобил меня принять мученическую смерть за Веру, только, видно, не пришел мой час. Когда в первый раз хотели меня арестовать – в ночь накануне был убит начальник НКВД. Во второй раз супостаты не смогли этого сделать по причине того, что по дороге в Гущино сломалась посланная за мной машина. В третий раз – небеса разверзлись, и хлынул такой сильный дождь, что дороги в округе превратились в грязевое месиво. До сих пор, ироды, ждут, пока на болотах, где стоит моя хижина, сойдет вода. Один я проход к ней знаю, если кто сунется наугад – сгинет в трясине. Так что некого мне бояться, а естественной кончины никто не избежит. У меня и гроб сосновый на этот случай сделан, каждый день ложусь в нем спать, ибо никто не знает, когда Господь призовет его грешную душу.

Степана потрясли слова священника. Никогда прежде мужчина не задумывался над вопросами, что есть жизнь, что есть смерть и есть ли на свете Бог, против которого так ополчилась новая власть. «Что, если этим миром на самом деле кто-то управляет?» – задумался мужчина.

– То есть вы полагаете, что загробная жизнь все-таки есть? – поинтересовался Степан.

– Безусловно, – ответил старик. – Много раз по Воле Господа Бога мне было дано убедиться в этом. Вот ты спрашивал, откуда я так поздно возвращаюсь... В Дубовку я ходил, к другу моему старинному, отцу Феодосию...

– В Дубовку? – удивился Степан. – Так до нее ж километров пятнадцать будет... Вы что же – пешком ходили?

– Как видишь, Бог дает силы, когда они нужны на доброе дело.

– А что вас заставило туда отправиться?

– Вчера ночью, после молитвы к Богу, я лег спать... Вдруг темнота моего жилища рассеялась, и хижина озарилась золотисто-белым светом, в центре которого я увидел отца Феодосия. Он низко мне поклонился и сказал, что пришел предупредить меня о своей скорой кончине, которую Господь сподобит послать ему сегодня утром. После этих слов чудное видение прекратилось, я сел в гробу, перекрестился на икону Спасителя и возблагодарил Его, что послал мне весточку о друге. Встав, я собрался и, сотворив короткую молитву, отправился в путь. Когда человеку за семьдесят – быстро ведь не побежишь, да и путь предстоял мне не близкий. Слава Всевышнему, я застал моего друга живым. Отец Феодосий переживал, что из-за своей немощи

не может со мной проститься. С вечера он молитвенно просил Господа, чтоб не дал ему уйти в мир иной, не повидав напоследок друга. Для Бога Всемогущего нет ничего невозможного. В Духе Святом мы способны видеть и слышать то, что сокрыто от наших глаз. Приблизительно в тот же самый час я творил в хижине ночную молитву, вот и сподобил меня Господь узнать о тайном желании друга. Выполнив все, что положено для вновь представленного, с чувством выполненного долга я отправился в обратный путь. Чтобы сократить дорогу, я шел лесными тропами, одна из которых вывела меня к тебе.

Рассказ священника до глубины души потряс Степана. «Неужели это правда?..» – удивился мужчина и недоверчиво посмотрел на седовласого старика, рядом с которым он почувствовал себя несмышленным ребенком в огромном, незнакомом ему мире, где все происходит по каким-то таинственным, неизвестным ему законам.

– Вы, оказывается, мастак рассказывать сказки... – ухмыльнулся Степан. – Вас послушать, так человеку ни телеграф, ни телефон для связи не нужен – достаточно помолиться, и Бог сподобит его откровения...

Священнику стало жаль земляка.

– Бог милостив, может, увидев твою духовную слепоту, и тебе ниспошлет Свое Откровение. Многих таким образом обратил Он на путь Спасения, – произнес старик.

Плотный туман выполз из влажной низины и окутал дорогу, по которой шли запоздалые путники, видимость стала ограниченной, и идти вперед стало трудно.

– Вот незадача... – взволнованно произнес Степан. – Ни зги не видно! Так и с дороги сбиться не трудно...

– Даст Бог, не заблудимся, – ободрил его старик.

– Как Вы можете так спокойно говорить? Я совсем Вас не вижу, не ровен час – в болото угодим... – Степан остановился и стал на ощупь искать священника.

Вдруг на фоне шума леса он отчетливо расслышал цоканье копыт. Оно было столь звонким, что создавалось впечатление, будто конь едет не по песчаной дороге, а по мощеной камнем мостовой. «Как это может быть?» – удивился мужчина. В этот момент из тумана вышел отец Никодим. Степан взял старца под руку, отвел в сторонку и тихо произнес:

– Слышите цокот?

– Да, – кивнул священник.

– Значит, мне не показалось... Постоим здесь, как бы в тумане нас конь не зашиб...

Цокот копыт стал еще слышнее, и через мгновение из-за поворота лесной дороги выехал всадник. От его лица, доспехов и коня исходило сияние такой интенсивности и чистоты, что оно казалось подобным солнечному свету. Степан в испуге закрыл глаза, а когда открыл их, то едва не потерял дар речи: на белом скакуне царственно восседал былинный воин. Грудь и бедра всадника плотно покрывала кольчуга. На голове был надет железный шлем. В одной руке он держал круглый щит, в другой – копье, спина коня была покрыта попоной пунцового цвета с золотой окантовкой. Чудное благоухание наполняло воздух вокруг.

– Господи! – невольно вырвалось у Степана.

– Пресвятая Богородица, спаси и помилуй нас! – взмолился старый священник и осенил себя и Степана Крестным Знамением.

Не смея поднять на всадника глаза, отец Никодим стал пламенно молиться Богу. Степан испуганно глянул на священника и стал повторять за ним слова молитвы. Поравнявшись с путниками, всадник придержал коня и громогласно произнес: «Мир вам!» Поднялся ураганный ветер и начал клонить к земле стволы вековых сосен и елей. В этот момент откуда-то из глубины необъятного поднебесья незримые колокола стали вторить его словам...

Отец Никодим в очередной раз осенил себя Крестным Знамением и ответил:

– И тебе мир! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси нас от козней лукавого! – старик достал из дорожной сумки кусочки ладана и бросил его под ноги коня.

Кусты роз диковинной красоты, источающих тончайший аромат, выросли в том месте, куда упал ладан. Степан онемел от страха и отпрянул назад. Отец Никодим, не прекращая творить молитву к Богу и Пресвятой Богородице, брызнул на грудь всаднику святой воды. В тот же миг на груди и доспехах воина чудным образом просиял Лик Небесной Девы. Старец пал на колени и, отвесив земной поклон, слезно взмолился:

– Прости меня, грешного, по немощи духовной и из опаски попасть в сети лукавого, усомнился я, что ты Посланник Божий. Если есть на то воля Божья, открой нам, кто ты?

– Я русский витязь, – ответил всадник. – Хожу по земле русской, собираю воинов на великую битву. Родина в опасности, лютый враг собирает силы у западных рубежей Отечества. Собирайтесь в поход, славные воины... – всадник привстал на стременах и, указывая копьем на запад, угрожающе потряс им.

В то же мгновение над лесом запылала яркая зарница. С каждой секундой сияние на небесах становилось все лучезарнее. Со всех сторон к достославному витязю по небу стали слетаться всадники в боевых одеждах русских воинов разных исторических эпох. Высоко в поднебесье торжественно зазвучал призывный воинский марш, при первых звуках которого конь Божьего Посланника стал нетерпеливо перебирать ногами. Только сейчас путники увидели, что скакун не касается земли, а древний воин парит над землей. Как замороженные, смотрели мужчины на разворачивавшуюся пред их взором картину объединения в одну мощную дружину всего небесного воинства. Призывно зыграл небесный рожок, и все великое воинство вслед за воеводой плавно поплыло по небу, поднимаясь в небеса. Еще миг – и огромная армия небесных воинов бесшумно проплыла по ночному небу на фоне яркой луны в направлении на запад. Старый священник упал на колени и до земли поклонился уходящим за горизонт небесным защитникам Отечества. Степан опустил рядом со старцем на колени и тоже до земли поклонился небесной дружине.

– Благодарю тебя, Отче, яко сподобил меня, недостойного, быть свидетелем сего чудного явления, – со слезами на глазах промолвил старый священник. – Величай, душа моя, честнейшую и славнейшую горних воинств, пречистую Деву Богородицу! О, Мать Божья, избави нас от огня и меча, от нашествия иноплеменных и междоусобной брани, от напрасной смерти, от нападений вражеских и от смертоносной язвы, и от всякого зла. Пресвятая Богородица! Просвети нам ум и очи сердечные, даруй всем нам столько силы и мужества, сколько имеет каждый любви и усердия, дабы постоять за свободу Отечества.

– Прости меня, Всемогущий Боже! – воззвал к Небесам поседевший Степан. – Прости меня за неверие мое, за то, что будучи крещенным, прожил жизнь как нехристь...

Услышав слова сердечного раскаяния своего земляка, отец Никодим прервал пламенную молитву и посмотрел на Степана.

– Слава Тебе, Боже, и благодаренье за все! – восторженно воскликнул старый священник. – Еще одно чудо явил Ты мне – воскрешение к жизни заблудшей христианской души... – отец Никодим встал с коленей и подошел к Степану.

Погладив его, будто малое дитя, по белым, словно снег, волосам, старец по-отечески ласково произнес:

– Великое счастье послал мне сегодня Господь: прекрасного спутника и незабываемый вечер. Благодарю тебя, сынок, что поделил со мной эту радость. В начале нашего совместного пути только я был седовласым, а к завершению пути и ты сединой убелился...

– Простите меня, отец Никодим, за назойливость, но как вы думаете, кого в образе этого древнего витязя явил нам Господь? – поинтересовался Степан.

– Точно не скажу... – ответил старик. – Мало ли доблестных витязей, презревших смерть и являя чудеса удивительной воинской доблести, бесстрашно сражались за свободу Отечества на протяжении долгого исторического периода... Взять, к примеру, легендарного воеводу, великого благоверного князя Александра Ярославича, который с дружиной и частью опол-

чения в рукопашном бою победил войско шведов, явившихся на нашу землю на 100 судах с пятьютысячным десантом... За победу над превосходящим противником в знаменитой Невской битве Александр Ярославич получил прозвище Александра Невского. На протяжении всей жизни его отличали христианское благодушие, благородство, высокая мудрость и смирение перед волей Божьей. Даже те, кто причиняли ему обиды и страдания, испросив прощения, немедленно получали его. Это редчайшее качество... По великому своему смирению великий князь приписывал все, что ему удавалось совершить, Небесной помощи. Каждое из своих достохвальных дел князь возводил в достоинство жертвы и служения Богу. На протяжении всей своей недолгой жизни (он не дожил и до сорокапятилетнего возраста) святой Александр превозмогал своих врагов и врагов Отечества превосходством своей нравственной силы и мощью духа. А ведь он участвовал более чем в 20-ти битвах и был свидетелем того, как величайшее множество доблестных русских воинов пало смертью героев за свободу Родины.

– А почему, говоря об Александре Невском, вы называете его святым? Он ведь из знатного рода, жил, как обычный человек, имел семью и детей... – полюбопытствовал Степан.

Ему хотелось как можно больше узнать о жизни этого удивительного человека.

– Это был не простой князь... – ответил отец Никодим. – Вся его жизнь была посвящена отстаиванию свободы и интересов Отечества. Много раз он ездил к ханам в далекую Монголию и татарскую Орду, чтобы испросить милость и пощаду родной земле. Скольким опасностям подвергал себя во время этих путешествий! Бог, видя его веру и благочестие, во всех путях и сражениях хранил его, но здоровье свое он все же подорвал. Изнуренный последним странствием в Орду, по дороге домой князь занемог и понял, что приблизился его смертный час. Перед смертью он попросил постричь его в иночество и схиму. Приняв причастие пречистых тайн, великий князь предал свою душу в руки Господа... – старый священник замолчал.

Слезы скорби, любви и благоговения текли по его впалым морщинистым щекам. В какой-то момент путникам показалось, что время остановилось – прошлое, настоящее и будущее слились воедино, не было древней и современной Руси – было одно любимое сердцу Отечество, которому грозила опасность. Молчание прервал старец:

– А может, в образе представшего пред нами всадника Господь явил нам Илью Муромца...

– Это же просто вымысел, сказочный персонаж, – ухмыльнулся Степан. – Я о нем и Соловье-разбойнике детям сказки рассказываю...

– Да простит тебя Господь! – помолился за заблудшую душу земляка старик. – Принимая одного из самых удивительных героев древней Руси, народного заступника, за вымышленного персонажа сказок, ты глубоко ошибаешься...

– Что вы хотите этим сказать? – Степан с недоверием посмотрел на собеседника.

– А то, сынок, что упомянутый Илья Муромец жил во времена Киевской Руси и был реальной исторической личностью. От природы он был наделен большой силой, отличался храбростью, воинской доблестью и исключительной преданностью Вере отцов. В зрелом возрасте Преподобный принял монашеский постриг в Киево-Печерской Лавре и был наречен Ильей, а погиб как настоящий герой – о чем свидетельствуют пробитое копьем сердце и многие другие тяжелые раны, сохранившиеся на его нетленных мощах.

– Откуда вам это известно? – полюбопытствовал Степан.

– В молодости я бывал в Киево-Печерской лавре, там от иноков услышал рассказ об этом удивительном человеке, который заслуженно почитается святым русской Православной Церкви.

– То есть Илья Муромец был ревнителем Православной Веры – я правильно вас понял?

– И был, и остается на все времена, – кивнул священник. – Русский народ испокон веков почитал Илью Муромца небесным покровителем и редчайшим образцом беззаветного служения Родине.

Степан внимал каждому слову старца, он настолько проникся почтением к доблестным воинам и святым, что на глазах у мужчины выступили слезы. Видя состояние своего спутника, священник выждал минуту-другую и продолжил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.